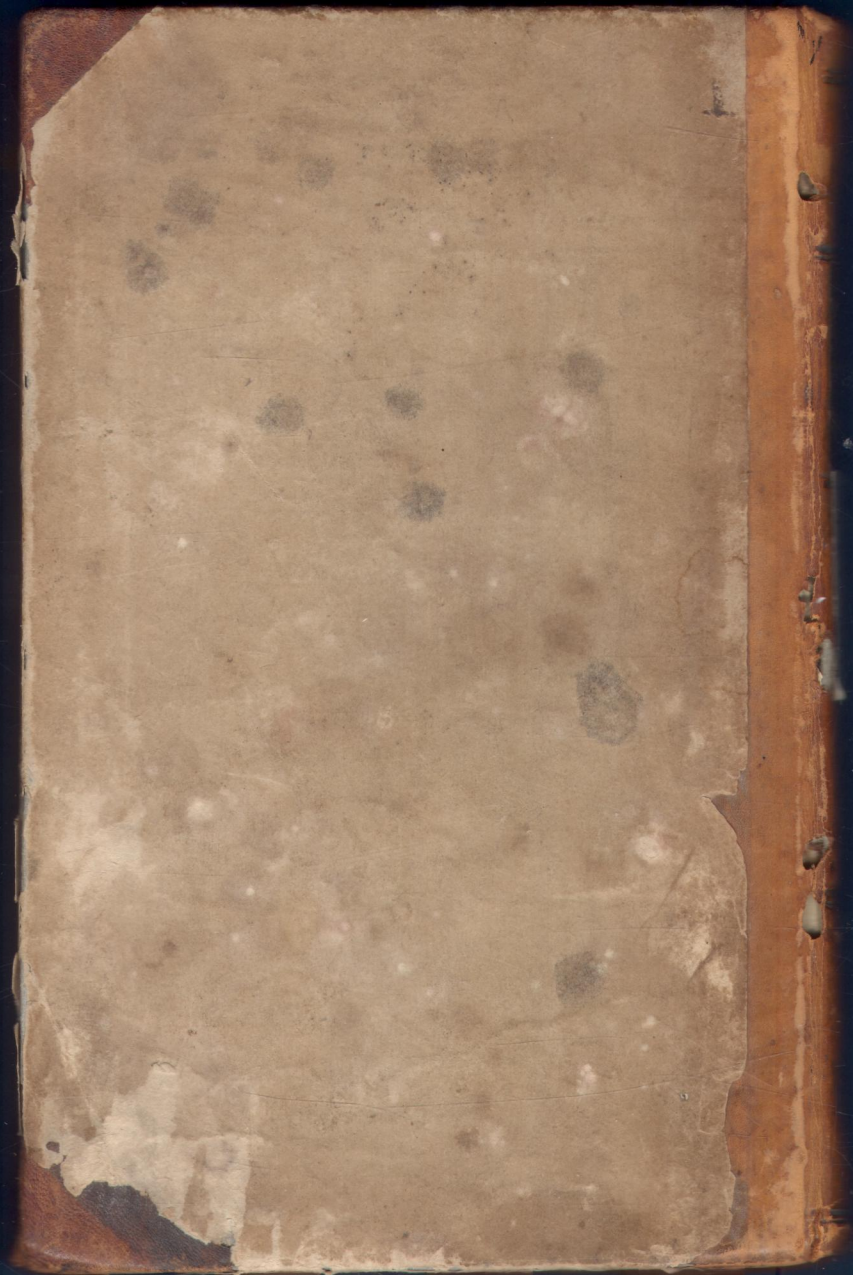

2

565218

PK-XFY-1

PR-X19-1
5659218

LIBRARY
UNIVERSITY OF TORONTO

94

PK-XY-L

565218

~~J. T~~

~~2183~~

N 422.

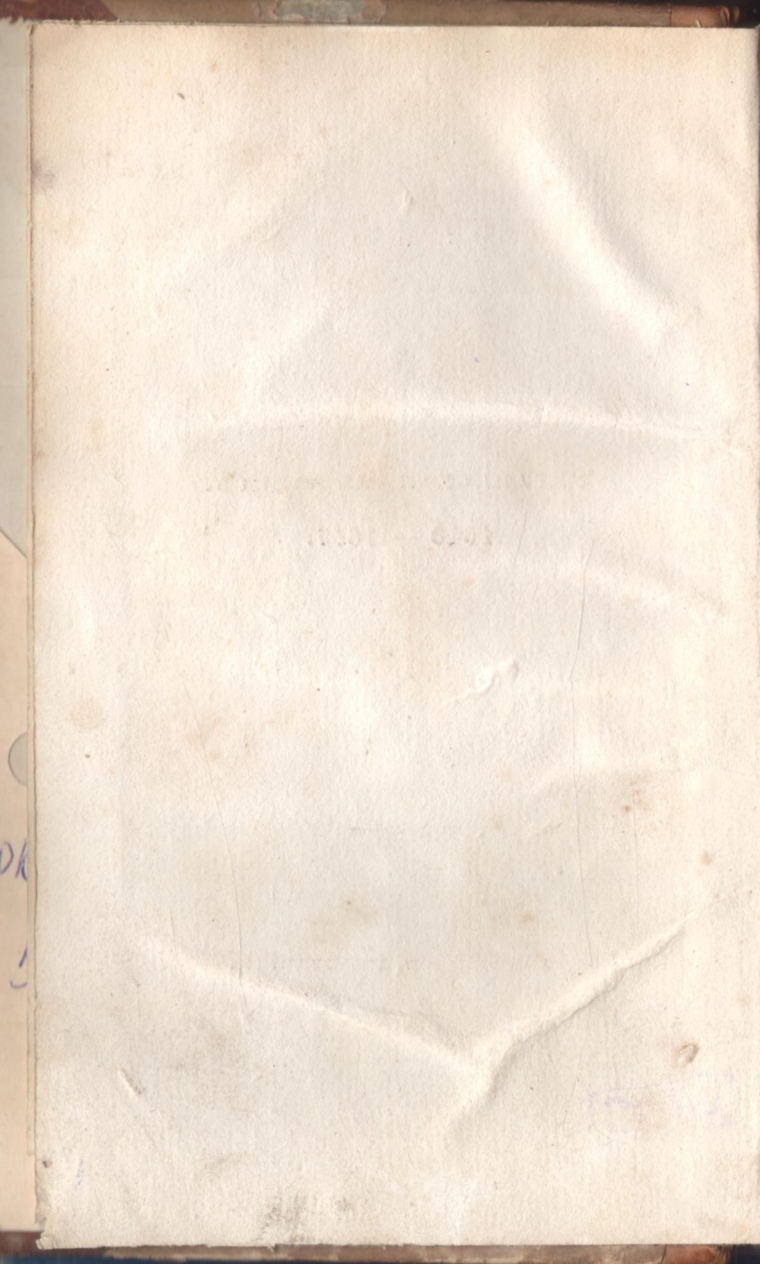
1934

PK

5

УКРАИНСКАЯ ЛѢТОПИСЬ.

1640 — 1657.

5

УКРАИНСКАЯ ЛѢТОПИСЬ.

MDCXL — MDCLVII.

*Како свободился народъ
Русскій зподъ ига Ляд-
ского Египетского.*

—***—

ХАРЬКОВЪ

ВЪ УНИВЕРСИТЕТСКОЙ ТИПОГРАФІИ

1835.

Центральна Наукова
БІБЛІОТЕКА при КДУ
Inv. № _____

565218

02 59

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

Февраля 1, 1835 года. Цензоръ И. Снегиревъ.

Источники, изъ которыхъ я почерпалъ свѣденія для Лѣтописи, адель помѣщенной, и Примѣчаній къ ней, суть:

1. Лѣтописи: — Конисскаго, Исторія Руссовъ, — Роголевскаго, Краткій Лѣтописецъ, — Туманскаго, Лѣтопись, — Дзъвовича, Лѣтопись, — Меморіалъ о Гетманахъ Запорожскихъ, — Пространная Лѣтопись о событіяхъ до смерти Хмельницкаго, — Лѣтопись о проименованіи Козаковъ, — Рубана, Малороссійская лѣтопись, — Сказанія о Гетманахъ Запорожскихъ, — Лѣтопись отъ 1506 по 1734, — Описаніе Малой Россіи отъ 1340 по 1754, — Семейная Лѣтопись Квитокъ.

2. *Рукописныя Записки: Описаніе малой Россіи, Шафонскаго, — Записки о Малой Россіи, его-же — Евецкаго, Записки о Морозенкѣ и Тимоѳіѣ Хмельницкѣ, — Записки и Выписки касательно Слободскихъ полковъ, Цебрикова, — Описаніе Харьковскаго Намѣстничества, — Разговоръ Хмельницкаго съ Байгескуломъ, — Выписки изъ записокъ Миллера о Козакахъ, — Записки о правахъ и обычаяхъ Украинцевъ во время Боплана, С. Р.*

Этими Лѣтописями и Записками я пользовался по благосклонности: Г. Тайнаго Совѣтника Сенатора А. Ѳ. Квитки, Профессора И. Н. Даниловича, Профессора А. Ѳ. Павловскаго, Статскаго Совѣтника И. М. Цебрикова, М. А. Бедряги, В. С. Курдюмова, Ю. И. Вене-

лина, А. И. Павлова, И. Т. Подольскаго и др.

Отрывокъ о событіяхъ съ 1654 по 1657 (стр. 93—105) есть дословная выписка изъ Описанія Малой Россіи отъ 1340 по 1754.

3. Думы и Пьсни. Подлинныя помѣщены въ Зап. Стар. II. 1. Здѣсь онѣ находятся въ переводѣ, и пояснены примѣчаніями, за кои во многомъ обязанъ благодарностью К. Р. Подольской, Г. Θ. Квиткъ, М. А. Максимовичу, О. С. Евецкому, Θ. С. Евецкому и др.

4. Преданія — большею частію собраны мною самимъ на мѣстѣ въ поѣздку на Днѣпровскіе пороги.

5. Сказанія Лѣтописцевъ и преданій народныхъ я старался по возможности повѣрять сказаніями писателей иностранныхъ: Лубен-

скаго, Боплана, Пасторія, Шевалье,
Енгеля, Пьсецкаго и др.

6. Актами и Записками дипломатическими пользовался изъ Собранія Госуд. Грамотъ и договоровъ, Истории Уніи и Истории Малой Россіи, Бантъша Каменскаго. Исторія Малой Россіи была для меня важнымъ пособіемъ и въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ въ ней заключаются выписки изъ Лѣтописей, мнѣ неизвѣстныхъ.

И. С.

Харьковъ.

1835. Мая 3.

Л Ъ Т О Ц И С Ъ .

1640 - 1654

*Тако свободился народъ
Русскій зподъ ига Лядскаго
Египетскаго.*

Г Л А В А П Е Р В А Я .

I.

Былъ конецъ первой половины XVII
вѣка.

Народъ Украинскій бѣдовалъ подъ
игомъ Поляковъ и Жидовъ.

Его достояніе было расхищено: одни нищіе оставались безопасны подъ своимъ отребіемъ. Земля его стала погономъ разбойниковъ; и шивы были незасѣяны, и пастбища пусты. Вѣра его была поправа: рабами Жидовъ были служители церкви; на откупѣ у Жидовъ были храмы Господни, и всѣ обряды, и всѣ таинства святой Вѣры.

Цвѣтъ народа Украинскаго, Козаки, которыхъ отвага когда-то славилась, потомъ уничижала оружіе Ляховъ, Козаки, прежде гордые именемъ защитниковъ Христіанства, нынѣ обезсиленные, угнѣтенные были униженными рабами прихоти своихъ мстивыхъ владыкъ, и острили сабли, и заряжали самопалы только другъ на друга: единодушіе, крѣпившее когда-то ихъ силу, исчезло; личные раздоры себялюбцевъ, искавшихъ власти для обогащенія, непрерывно порождали раздоры войсковые; а Ляхи карая мятежниковъ, сами раздували пламя бунта междоусобій, надѣясь, что паденіе Войска

Запорожскаго навсегда обезпечить ихъ власть въ Украинѣ. Только небольшая часть Козаковъ, Кравчина Запорожская, сохранила независимость въ лѣсахъ и степяхъ Поднѣпровскихъ; но крамолы и распри зашли и туда: стычки съ Татарами и Турками смѣнялись кровавыми пирами межусобицъ, и головы Кошевыхъ и старшинъ что-ни-годъ приносились въ жертву новымъ вождямъ, кои въ свою очередь были жертвами новыхъ козней и раздоровъ. Кравчина слабѣла; Ляхи были наготовѣ, — и въ Никитинской сѣчи съѣлъ наконецъ гарнизонъ Польскій.

Дворяне Украинскіе одни за другими переходили на сторону Ляховъ, принимали вѣру Уніатскую и Католическую, и вмѣстѣ съ ними угнѣтали Православіе. Между сановниками духовными слишкомъ немногіе были истинными ревнителями Церкви, да и тѣ должны были покорствовать силѣ вражьей: голосъ самаго Митрополита Петра Могилы часто воцѣлялъ въ пустынѣ.

Таково было состояніе Украины въ послѣдніе годы первой половины XVII вѣка. Вотъ что пережила себѣ эта страна, когда то богатая, славная, теперь облитая кровью, усѣянная костями своихъ храбрыхъ сыновъ, за полувѣковую борьбу ихъ съ Ляхами во славу Православія.

Но роковая година Украины близилась. . . .

II.

Начну свою повѣсть съ того времени, какъ Наказнымъ Гетманомъ Козацкимъ озовался Николай Ялмужна Зацвѣлиховскій. Это было около 1645 - 1646. Новый вождь Козаковъ былъ избранъ самими Поляками; но выборъ ихъ былъ неудаченъ. Храбрый, отважный Ялмужна скоро отличился въ битвахъ съ Татарами, и своими побѣдами заслужилъ любовь дружинъ Козацкихъ; а потомъ началъ сношенія съ Царемъ Московскимъ. Не того нужно было Ляхамъ; и Ялмужна былъ схваченъ, и, вѣрно, кончилъ жизнь,

какъ окончили ее Наливайко, Павлюкъ, Острияница; а на его мѣсть явился Иванъ Барабашъ.

Высокомѣрный, подлый, корыстолюбивый: таковъ былъ онъ; и мятежъ былъ слѣдствіемъ его вступленія въ должность. Главная дружина Кравчины Запорожской, Липчаевцы отдѣлились, избрали себѣ отдѣльнаго Гетмана и укрѣпились въ Никитинской сѣчи. Началась междоусобная брань. Митрополитъ Петръ и Войсковой Писарь Зиновій Богданъ Хмельницкій старались помирить враждующихъ товарищей, но ихъ усилія оставались тщетны до тѣхъ поръ, пока Барабашъ съ помощію Поляковъ сразилъ Липчаевцевъ, и однихъ изъ нихъ заставилъ бѣжать въ луга и степи, другихъ покориться своей волѣ. Впрочемъ покой длился не долго. Барабашъ, смиривъ мятежъ, не смирилъ себя, и непрерывно подавалъ новыя причины къ возобновленію бунта: помогалъ Полякамъ утѣснять поборами Козаковъ охочекомонныхъ, помогалъ Іезуитамъ

и Уніатамъ обращать ихъ въ Унію, помогаль Жидамъ угнѣтать селянъ. Жажда корысти вела его ко всему, на все.

Собралась Рада. Старшины Козацкіе рѣшились допросить Барабаша, что затѣваетъ онъ, чѣмъ все это кончится. — Я обязанъ отвѣтомъ одному Королю; — отвѣчалъ Барабашъ.

— И дашь отвѣтъ намъ. Оправдывайся или Рада будетъ судить тебя какъ измѣнника; — возразилъ Судья Антонъ Полежай. — Всѣ члены Рады присоединили свои голоса къ голосу Полежая, и требовали откровеннаго признанія. Страхъ смерти потушилъ высокомеріе Барабаша. Онъ смирился, просилъ милости и прощенія, подтвердилъ клятву дѣйствовать въ пользу Войска, и безъ замедленія согласился на предложеніе Хмельницкаго послать къ Королю жалобу на угнѣтенія, претерпѣваемыя Козаками.

Мирно кончилась Рада; но не миръ былъ на сердцѣ Барабаша, Гетмана Іуды. Поспѣшно и тайно онъ увѣдомилъ сеймъ

объ опасности, угрожающей Полякамъ въ Украинѣ, и столь же поспѣшно, и столь же тайно умертвилъ Полежая.

Смерть этого старца, пользовавшагося общимъ уваженіемъ, рѣшила терпѣніе народа. Ни кто не сомнѣвался кто былъ ея виновникомъ. — Барабашъ хотеть всѣхъ насъ предать смерти и въ рабство Ляхамъ, кричали Козаки. . . . Смерть ему, клятво преступнику. — Сынъ Полежая Иванъ поднялъ знамя бунта, и выступилъ съ вѣрною дружиной противъ приверженцевъ Барабаша.

Пожаръ междоусобной брани запылалъ снова.

Нечаянное и, какъ казалось, незначительное обстоятельство измѣнило ходъ дѣла, и междоусобную брань превратило въ грозную войну, долженствовавшую рѣшить судьбу Украины.

III.

То была ссора Войсковаго Писаря Хмельницкаго съ Подстаростою Чигринскимъ Даниломъ Чаплицкимъ.

Неподалеку отъ Чигрина Хмельницкій имѣлъ отчину сельце Суботово. Чаплицкій вздумалъ усобить его себѣ; донесъ Старостѣ Александру Конецпольскому, что Хмельницкій владѣеть имѣ безъ вида и права, что оно по закону должно отойти къ Староству; и, дожидаясь отвѣта, съ помощію Поляковъ овладѣлъ имѣ. Хмельницкій искалъ правосудія; представилъ, что Суботово — его отчина, что отецъ его Михаилъ (Хмельникъ) Сотникъ Чигринскій получилъ его отъ прежняго Старосты Ивана Даниловича за вѣрную службу, и населилъ собственными людьми. Напрасно. Хмельницкій получилъ вмѣсто Суботова 50 флориновъ вознагражденія за протори и убытки и отказъ, въ которомъ забыли ему напомнить, что Козакъ не имѣеть никакого права селить слободы и тѣмъ менѣе ослушаться начальства. Оставалось просить защиты у Короля. Хмельницкій поѣхалъ въ Варшаву. Чаплицкій между тѣмъ продолжалъ самоуправство: похитилъ

у Хмельницкаго наложницу, и женился на ней, обокралъ его скарбницу, сожегъ его мельницы и винокурни, и въ добавокъ приказалъ наказать кїями на Чигринскомъ рынкѣ сына его Тимоея за то, что онъ осмѣлился ему противиться и наговорить грубостей. Чаплицкій надѣялся на защиту Правительства, и не обманулся въ расчетъ. Хмельницкій благосклонно былъ принятъ Королемъ, но въ отвѣтъ на свою просьбу получилъ новый отказъ и строгое приказаніе быть въ совершенномъ повиновенїи у Старосты Чигринскаго и его дозорцы. Поляки давно уже приучили Украинцевъ къ подобнымъ отвѣтамъ на ихъ жалобы, сколько-бы ни были онѣ справедливы; и заставляли сносить ихъ терпѣливо. Впрочемъ Хмельницкій и тутъ не потерялъ надежды выиграть искъ. Случай доставлялъ ему возможность рѣшиться на послѣднее, что оставалось его защитою, что издавна тревожило его сердце, столько-же любившее родину, сколько и честолюбивое.

— Украина плачетъ. Козаки гибнутъ въ недолѣ. И нѣкому защищать ихъ! Нѣкому сломить ярмо Египтянъ! — Будетъ что будетъ, а будетъ что Богъ дастъ. — Еще не умерла Козацкая мать. Чаплицкій и Ляхи не все еще отняли у насъ; еще мы владѣемъ саблѣй! —

Такъ передала намъ память народная тогдашнія думы Богдана. Хмельницкій оставилъ Варшаву мирно, молча, но съ твердымъ намѣреніемъ отомстить за себя и за родину.

Возвратъ его на Украину былъ несчастливъ: Чаплицкій схватилъ его, и посадилъ въ тюрьму; но Провидѣніе сберегло Богдана для славы и счастья Украины: прежняя его любовница, жена Чаплицкаго, нашла случай даровать ему свободу.

Овладѣвъ перепиской Барабаша съ Поляками, Хмельницкій удался на островъ Бучый къ Линчаевцамъ.

Ихъ вождь Иванъ Полежаенко уже не существовалъ: преслѣдуемый съ дру-

жиной своей Ляхами и Барабашевцами, онъ погибъ на битвѣ у Каменнаго Затона. Линчаевцы разбѣжались. Никитинская сѣчь осталась за Ляхами.

Линчаевцы приняли Хмельницкаго съ радостію: онъ подавалъ имъ надежду вновь противостать Барабану; но Хмельницкому мало было побѣды надъ этимъ временщикомъ; онъ бралъ выше, и продолжалъ переписку съ его приверженцами. Запорожцы не поняли его намѣреній, и стали подозрѣвать въ измѣнѣ. . . . Дружина Хмельницкаго и безъ того незначительная, состоявшая прежде изъ 300, потомъ изъ 500 всадниковъ, начала уменьшаться.

Надобно было покориться обстоятельствамъ и послѣшить дѣломъ, лишь бы угодить товарищамъ. Хмельницкій двинулся къ Никитину Рогу, взялъ сѣчь, позволилъ Козакамъ вырубить весь Гарнизонъ Польскій, тамъ бывшій, — и возвратилъ этимъ довѣренность своей дружины; она быстро начала увеличиваться

Тогда Хмельницкій озвалъ Раду, и представилъ на ея разсмотрѣнiе переписку Барабаша съ Поляками, изъ которой явно было намѣренiе Польскаго Правительства уничтожить Войско и Козаковъ.

— Выбирайте любое! — говорилъ Хмельницкій Панамъ радникамъ: — гибель и славу, — гибель и срамъ. —

ГЛАВА ВТОРАЯ.

IV.

— Насталъ часъ воли Божіей! — писалъ Хмельницкій Митрополиту. — Молитесь за насъ и за отчизну! — и, разославъ по Украинѣ универсалъ, которымъ убѣждалъ народъ вооружаться крестомъ и саблей противъ Ляховъ губителей имени Русскаго, самъ отправился въ Крымъ къ Хану Исламу II просить у него вспоможенія.

Дѣло пошло удачно.

Ханъ обѣщаль выслать на помощь Хмельницкому цѣлую орду съ Намѣсникомъ Перекопскимъ Тогай-беємъ; — и тѣмъ легче было Хмельницкому возбудить Исламъ-гирея, что за недолго предъ тѣмъ Король Польскій отказался платить

ему обычную дань. Митрополитъ Петръ наложилъ церковное проклетіе на всѣхъ, кто не станетъ заодно съ Хмельницкимъ, и повелѣлъ во всѣхъ церквахъ молиться Богу, да спасеть онъ православіе, да будетъ щитомъ противъ тѣхъ, кто забылъ Его любовь, Его милость, Его завѣтъ Христіанскаго братства. Универсалы Хмельницкаго имѣли повсюдній успѣхъ.

Взмутилось Правительство Польское, услышавъ о новомъ возстаніи Козаковъ, — оно знало и умъ, и отвагу Хмельницкаго, и любовь къ нему народную, — и поспѣшило возвести Барабаша въ санъ Гетмана, надѣля его новыми дарами; онъ одинъ оставался опорой Поляковъ въ Войскѣ, одинъ могъ въ ихъ пользу имѣть на него вліяніе, если не угрозами то крамолами.

Недолго спустя Барабашъ съ 6000 выступилъ на Хмельницкаго въ дубахъ внизъ по Днѣпру; а сынъ Короннаго Гетмана Николая Потоцкаго Стефанъ съ 6000 пошелъ къ Никитину Рогу полемъ.

Все это войско предъ походомъ присягнуло въ вѣрности республикѣ.

Поляки остушили самую сѣчь, но были отражены, и принуждены отступить.

Почти въ тоже самое время Барабашъ напалъ въ ладьяхъ на Липчаевцевъ, укрѣпившихся на островѣ Томаковѣ и другихъ окрестныхъ островахъ. Въ часъ грозной сѣчи явился Хмельницкій. Съ часъ еще Барабашевцы продолжали храбро сражаться, но, окруженные со всѣхъ сторонъ противниками, положили наконецъ оружіе, предалися на волю Богдана, и, отыскавъ своего Гетмана, какъ говорятъ, спавшаго въ ладѣ межъ комышами, разтерзали его, какъ измѣнника, искусившаго ихъ лукавыми наважденіями. И слава его погибла съ шумомъ. — Суди насъ! мы виновны! говорили Барабашевцы Хмельницкому. Филонъ Джеджелей, первый изъ Козаковъ, устремившихся на Барабаша, поднесъ ему булаву убитаго Гетмана; но Хмельницкій на восклицаніе

Козаковъ: — она твоя! — отвѣчалъ: она ва-
ша, и я вашъ! Ляхи ждутъ насъ. Отом-
стимъ, и будемъ правы. — Ладьи рину-
лись. Громкій гай раздался по волнамъ
Днѣпра. У Желтыхъ водъ Поляки ждали
Козаковъ.

У Желтыхъ водъ вскипѣла новая
сѣча . . . Подоспѣвшіе Крымцы окружили
лагерь Польскій. Три дня Поляки обо-
ронялись пушками; но терпѣніе ихъ на-
конецъ истоцилось. Многіе изъ нихъ
перешли на сторону Хмельницкаго. Ос-
тальные еще разъ сразились, и дали тылъ,
направя свое бѣгство къ Княжимъ Бай-
ракамъ. Козаки преслѣдовали ихъ, снова
разбили, и овладѣли всѣмъ обозомъ.
Много Ляховъ пало: палъ и юный ры-
царь Потоцкій. Въ числѣ плѣнныхъ были:
Шембекъ, Янъ Сапѣга, Стефанъ Чар-
нецкій и Иванъ Выговскій. Не многіе
спасли жизнь бѣгствомъ. . . . Шумно и
весело окончили Запорожцы грозный день
Желтоводской битвы, 5 Апрѣля 1646 года—
битвы — побѣды надъ своими деспотами

послѣ безчисленныхъ поражений. На другое утро они двинулись вверхъ по Днѣпру.

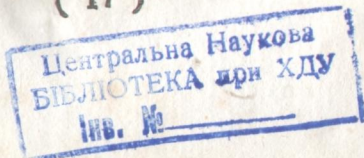
Вѣсть о побѣдѣ Хмельницкаго быстро разнеслась по Украинѣ.

81 2595
Она достигла Трильсыя, — и Гетманъ Потоцкій, вышедшій-было на помощь къ своему сыну, успѣвши принять мѣры: послалъ къ Королю просить подкрѣпленія, набиралъ изъ черни отряды стрѣлковъ, и вмѣстѣ съ Полевымъ Гетманомъ Мартыномъ Калиновскимъ пошелъ къ Корсуню, и въ милѣ отъ этого города, близъ Стеблова, сталъ въ окопахъ.

Она достигла и Переяславля, гдѣ Асаулъ Максимъ Кривоносъ, набиралъ охотниковъ на помощь Барабашу. Узнавъ о смерти его и гибели Поляковъ, Кривоносъ сталъ за Хмельницкаго, и съ 2000 всадниковъ двинулся къ Чигришу, къ нему на помощь.

Она достигла и Умани, гдѣ Козаки Уніаты стекались подъ знамена какого-то Монаха. Узнавъ о битвѣ Желтовод-

(17)

ской, они поспѣшили на помощь Потоцкому, но, или не понавѣ на ту дорогу, или не зная мѣста его стана, пришли къ рѣкѣ Тясмину, и стали станомъ неподалеку отъ Чигрина, у Рудаго става. Не смотря что число ихъ простиралось до 5,000, Хмельницкій пошелъ противъ нихъ съ небольшимъ отрядомъ, жестоко разбилъ, принудилъ положить оружіе, и всѣхъ, кто не успѣлъ обратиться въ бѣгство, связанныхъ привелъ въ Чигринь. Монахъ и нѣкоторые начальники были казнены: остальные, около 1500, разобраны Козаками въ прислугу.

Воздавъ благодареніе Богу, и оставивъ стражу въ Суботовѣ, Хмельницкій съ 25000 войска Козацкаго и Татарскаго двинулся къ Корсуню.

Его приближеніе взволновало станъ Польскій. Украинцы, бывшіе въ войскѣ Потоцкаго, подняли тревогу. — Намъ не будетъ пощады! — кричали они. — Лучше сдадимся Богдану по доброй волѣ! — Потоцкій и Калиновскій съ трудомъ удержались.

живали мятежъ до 16 Мая. Но появленіе войскъ Хмельницкаго возобновило тревогу, и страхъ овладѣлъ не только рядовыми, но и нѣкоторыми военначальниками. Одного изъ захваченныхъ въ плѣнь Козаковъ, Микиту Галагана (Язика) начали пытатъ о числѣ войска Козацкаго. — Сами узнаете — отвѣчалъ Козакъ — худо-ль, добро-ли нашимъ, когда 50,000 Татаръ и безъ числа Козаки нападутъ на васъ. Еще-же и Хана нѣтъ. Лучше уходите съ миромъ, пока не напали на васъ. — Обманъ Галагана удался. Едва только Татары и Козаки въ одеждѣ Татарской съ крикомъ: — алла, алла! — бросились на стащъ Польскій и овладѣли первымъ валомъ; Поляки вырвались изъ укрѣпленій, и обратились въ бѣгство. Галаганъ велъ ихъ, и навелъ на болота и трясины. Онъ заплатилъ за это жизнью, но Поляки не могли уже сомкнуться въ боевой порядокъ, и разбѣжались по чащѣ. Напрасно Потоцкій заклиналъ ихъ имеемъ вѣры и короны остоявиться;

напрасно угрожалъ карой: чужа гибель, Поляки думали объ одномъ спасеніи, думали каждый о себѣ, и шли на гибель. Украинцы отдѣлились отъ нихъ, и стали подъ знамена Хмельницкаго; а Хмельницкій между-тѣмъ послалъ часть своего войска въ лѣсъ, перекопавъ рвами и обложивъ деревьями дороги, другіе отряды разставилъ на выходахъ изъ лѣсу, и самъ началъ гнать Поляковъ съ тылу въ чащу. Не имѣя ни силъ, ни времени сопротивляться, непрерывно утопая съ лошадьми и повозками въ тинѣ болотъ, топяхъ и трясинахъ, обстрѣливаемые съ боковъ, поражаемые сзади саблями и спицами, Поляки не сражались, а падали, или умирая отъ немочи и ранъ, или сдаваясь, и прося пощады. — Нѣтъ пощады! — былъ отвѣтъ, — и Поляки гибли Потоцкій, Калиновскій, Графъ Синявскій, Донгофъ, Пржіемскій, многіе другіе вельможи и нѣкоторые рядовые взяты въ плѣнъ. Прочіе всѣ пали, а такихъ было, какъ говорятъ иные, до 40,000. Добыча раздѣлена

между Козаками. Пльшныя отдапы Татарами. Потоцкій просидѣлъ недѣлю верхомъ на пушкѣ.

Пославъ отряды въ Каневъ Черкасы, Койдакъ и другіе Подѣпровскіе города, занятыя Поляками, Хмельницкій вступилъ въ Бѣлую церковь. Съ кликами радости принялъ народъ счастливаго побѣдителя, и призналъ его Гетманомъ славнаго Войска Запорожскаго по обѣимъ сторонамъ Днѣпра сущей Украины. Войско его увеличилось до 40,000, — и Владиславъ Король Польскій, шедшій на помощь своимъ, принужденъ былъ возвратиться назадъ. Оставалось отомстить за себя. Чаплицкій былъ схваченъ и приведенъ къ Гетману. Онъ просилъ милости, — и получилъ; Хмельницкій велѣлъ обречь ему голову, усы, которыми онъ хвастался, и бороду, которую носилъ онъ въ подражаніе отца своего покровителя, Станислава Конецпольскаго, — и отпустилъ на волю.

V.

Счастливыи успѣхъ Хмельницкаго возбудилъ упавшии духъ народа Украинскаго. Настала година мести. Польскіе Старосты, Польскіе суды, Шляхтичи, Уніаты, гарнизоны, Жиды, всѣ, кто прежде безнаказанно угнѣталъ и губилъ его, всѣ гибли. Села пылали. Вражья кровь лилась потоками. Клики озлобленія и побѣды мѣшались съ воплями страдальцевъ винныхъ и невинныхъ. Такъ Украина возвращала себѣ потерянное благоденствіе, спасала попранныю вѣру, ликовала пирь своего возстановленія.

Воеводою Русскимъ былъ тогда Князь Іеремія Вишневецкій. Прежде ревностный Грекороссіянинъ, онъ сдѣлался еще болѣе ревностнымъ Уніатомъ, а потомъ и Католикомъ, и по обычаю всѣхъ Уніатовъ и Католиковъ, имѣвшихъ силу и случай, сталъ угнѣтать Украинцевъ, особенно Козаковъ, принуждая къ Уніи. Онъ вырывалъ у нихъ глаза, вѣшалъ ихъ,

сажалъ на колъ, рѣзалъ, морилъ голодомъ, мучилъ всѣми ужасными муками медленной казни. — Пусть чувствуютъ, что умираютъ! — говорилъ онъ, — и часто онъ самъ присутствовалъ при казняхъ, будто радостью его очей была кровь православныхъ и радостью слуха ихъ вопли и стоны. Звѣрство его не знало предѣловъ.

Не знало предѣловъ и мщеніе народа. Вишневецкій съ войскомъ и дворнею ушелъ въ Польшу. А между тѣмъ вся западная Украина наполнилась толпами вольниковъ, губившихъ враговъ Православія. Около Канева Лисенко съ Вовгуревцами сдиралъ кожи съ Уніатовъ и Жидовъ; вокругъ Кіева бѣдовалъ Харченко; на Подоль буйствовали толпы гайдамакъ съ Остапомъ Павлюкомъ и Морозенкомъ; на Вольни падала подъ ударами дружины Ганжи Польская шляхта; Чорнота, Калишъ, Воронченко, Лобода, Бурлай, Полкожуха, Небаба, Нечай, Тиша съ дружинами проникали въ глубь Польши. Всѣхъ грознѣе, всѣхъ ужаснѣе была

кравчина Максима Кривоноса и Пуль-
яна: разсѣявшись по Вольши и Подолу,
она усыпала свой путь пещломъ и обли-
вала кровью, не зная пощады ни къ же-
намъ, ни къ дѣтямъ и старцамъ. Разби-
тый подъ Звягелемъ войнами Вишневец-
скаго, Кривоносъ положилъ 6000 изъ
нихъ на полѣ битвы подъ Полоннымъ;
потомъ въ Умани и Ладыжинѣ принесъ
въ жертву своему мщенію цѣлую толпу
Жидовъ и Уніатовъ; и по взятіи Бара со-
вершилъ столь же кровавую тризну
надъ 3000 Уніатовъ и 15,000 Жидовъ.
Напрасно Вишневецкій преслѣдовалъ его,
напрасно сражалъ, — Кривоносъ продол-
жалъ лить потоками кровь и разносить
повсюду пламя. Лисенко попался первый
въ руки Вишневецкаго. Полунагой, по-
крытый безчисленными ранами, калѣка,
съ обоженными глазами, онъ тронулъ
своимъ видомъ сердце безжалостнаго
Князя; онъ, казалось, былъ недостойнъ
казни, и брошенъ въ тюрьму. Двѣ недѣ-
ли лежалъ онъ въ ней лишенный пищи

и свѣта, — и долежалъ печальнаго избавленія. Его дружина, не предполагая, что онъ еще живъ, пылая только однимъ мщеніемъ за гибель своего храбраго вождя, ворвалась въ Немировъ, гдѣ умераль онъ, и возвратила его къ жизни. Можно предполагать, какія слѣдствія имѣлъ этотъ случай.

VI.

Наконецъ Войска Польскія подъ начальствомъ Владислава Князя Острожскаго, Александра Конецпольскаго и Николая Остророга выступили противъ мятежниковъ, — и въ то же время Конвокаціонный сеймъ послалъ къ Хмельницкому Комиссаровъ требовать мира и вѣрности Польшѣ.

Хмельницкій самъ желалъ этого, и писалъ къ Владиславу еще 2 Іюня, прося у него мира, освобожденія народа Украинскаго отъ угнѣтеній и возстановленія прежнихъ правъ его; но это письмо не

застало уже Владислава въ живыхъ: еще 10 Мая онъ умеръ въ Меречь. Говорятъ, что собственный его духовникъ, подкупленный Примасомъ, умертвилъ его.

Условія, предложенныя Хмельницкому посольствомъ Польскимъ были слишкомъ жестоки, — и Хмельницкій съ презрѣніемъ отвергнулъ ихъ; Комиссары начали грозить оружіемъ и силой, — и Хмельницкій, обнародовавши новый Универсалъ, которымъ убѣждалъ вооружаться всѣхъ, кто можетъ и умѣетъ владѣть саблей, выступилъ въ походъ. Около 5000 Татаръ съ Карабчей-Мурзою соединились съ нимъ неподалеку отъ Пикова.

Поляки готовились не на бой, а на свадебный пиръ. Латы и збруя воиновъ блистали серебромъ и золотомъ, шлемы были украшены драгоценными перьями; кони покрыты богатыми коврами и сѣдлами; и 100,000 повозокъ слѣдовало за войскомъ, въ которомъ реестровыхъ воиновъ было не болѣе 36,000. Это войско стало станомъ у Пилявы. О неприятелѣ

не думали, надѣялись твердо на побѣду. Одинъ только Вишневецкій, дознавшій силу Козаковъ личнымъ опытомъ, опасался неудачи, и, провѣдавъ, что Хмельницкій послалъ къ Хану просить помощи, убѣждалъ Князя Острожскаго поспѣшно двинуться противъ Запорожцевъ и сразиться съ ними прежде ихъ соединенія съ Татарами. Воевода Брацлавскій Адамъ Кисель, Полякъ по службѣ, Украинецъ по роду и вѣрѣ, предлагалъ напротивъ помедлить военными дѣйствіями, испытать еще разъ мирныя предложенія; говорилъ, что возобновеніе войны зависѣло не столько отъ Хмельницкаго сколько отъ буйства Козаковъ и чрезмѣрности требованій Комиссаровъ, что Хмельницкій, предложивъ миръ самъ, конечно приметъ его на условіяхъ необходимыхъ для Рады. Со слезами просилъ Кисель Вишневецкаго забыть мечь мятежникамъ и вспомнить объ отчизнѣ. Вишневецкій остался непреклоненъ. — Забуду, какъ свое добуду! — говорилъ онъ, и пригото-

влялся къ выступленію. И вотъ слухъ о приближеніи Хмельницкаго достигъ стана. — Время потеряно! — кричалъ онъ, и въ ярости убилъ своего вѣрнаго оруженосца, принесшаго ему вѣсть, что Козаки уже соединились съ Татарами, и что Хмельницкій овладѣлъ двумя замками неподалеку отъ Пилявы. Новый вѣстникъ, объявившій, что самъ Ханъ съ огромной ордою быстро спѣшитъ къ Пилявѣ, разочаровалъ самоувѣреннаго Князя Острожскаго. Онъ увидѣлъ тогда свою опрометчивость, молчаніемъ отвѣчалъ на упреки Вишневецкаго, и велѣлъ своему войску отступить за Случь къ Константинову. Вишневецкій сразился съ Козаками на берегахъ Случи, собственными руками умертвилъ Максима Кривоноса, но разбитый Морозенкомъ бѣжалъ въ свою очередь. Козаки преслѣдовали Поляковъ, отняли у нихъ многоцѣпный обозъ, заняли ихъ у Константинова, овладѣли этимъ городомъ, и заставили Поляковъ бѣжать къ Збаражу. И здѣсь они оставили ихъ

не надолго. Едва только Поляки успѣли осѣсть въ этомъ городѣ, Хмельницкій съ Ханомъ явился готовый на битву, и снова обратилъ въ бѣгство своихъ враговъ. Городъ сдался; 50 пушекъ и богатая добыча золотомъ и тканями досталась Козакамъ; плѣнные вельможи отданы Татарамъ. Отсюда Хмельницкій направилъ свой путь ко Львову, и осадилъ его въ началѣ Октября. Не смотря на храбрую защиту его Христофоромъ Арциссевиємъ, недостатокъ военныхъ и съѣстныхъ запасовъ скоро принудилъ Ляховъ подумать о переговорахъ. Козаки и Татары, получивъ богатую контрибуцію, отошли къ Замостью. Впрочемъ Хмельницкій, убѣждаемый Адамомъ Киселемъ, не спѣшилъ военными дѣйствіями, и послалъ на Сеймъ пословъ съ предложеніемъ мира. Замѣчательно то, что Поляки милостиво общались съ этими послами: столь страшна была уже для нихъ сила Козацкая. Медленно и неудачно тянулась осада Замостья: лѣниво осаждалъ Хмельницкій,

ожидаѣ вѣсти мира ; храбро отражалъ Комендантъ его Людовикъ Вейеръ, Эльбингскій Кастелянъ нападенія Татаръ и Козаковъ. Наконецъ Хмельницкій получилъ отъ Киселя письмо, съ вѣстью объ избраніи Королемъ Польскимъ брата Владиславова Кардинала Іоанна Казимира, — и, удовольствовавшись данью 20,000 злотыхъ, снялъ осаду, несмотря на гнѣвъ Крымцевъ и ропоть Козаковъ. Кисель увѣрилъ Хмельницкаго, что Король хочетъ непременно возстановить спокойствіе въ республикѣ, прекратить пагубную гражданскую войну, которая грозитъ бѣдою всѣмъ отъ Турокъ и Татаръ, и потому будетъ неслишкомъ разборчивъ въ выборѣ условій. Киселю можно было повѣрить: онъ любилъ родину не менѣе своего долга. Одно только приводило Хмельницкаго къ сомнѣнію, — Вишневецкій, заклятый врагъ Козаковъ, незадолго до избранія сдѣланъ Предводителемъ войскъ, и уже успѣлъ своими крамолами охолодить пріязнь Хана къ Хмельницко-

му; но Гетманъ зналъ также, что Іоаннъ Казимиръ — врагъ Вишневецкаго; — и когда Посоль Короля Смяровскій пріѣхалъ съ предложеніемъ мира, когда Хмельницкій прочелъ дружелюбное письмо Короля, и узналъ, какую важную роль играли его Послы на Сеймѣ, что даже съ ихъ помощію Іоаннъ Казимиръ избранъ былъ Королемъ, — его недоувѣрчивость исчезла: онъ обѣщаль Королю миръ, и съ торжествомъ возвратился въ Украину.

Влизъ Кіева Митрополитъ Сильвестръ, преемникъ Петра, и важнѣйшее Духовенство встрѣтило Хмельницкаго и его сподвижниковъ. Колокольный звонъ будто въ Великій день и звуки трубъ мѣшались съ кликами восторженнаго народа. — Слава Богдану, избавителю нашему! — восклицали толпы. — Миръ Христіанству! — отвѣчалъ имъ Хмельницкій, — и единодушное искреннее благодареніе Всевышнему, благословившему мечъ Хмельницкаго во славу Креста, из-

дилось изъ усть всѣхъ. Давно, давно Кіевъ не видалъ такого торжества; давно молитва Православныхъ не возносилась къ престолу Вседержителя съ такой радостью; давно войско Запорожское не знавало такой славы! За долго-ль оно было вмѣстѣ со всею Украиной покорной рабыней аристократовъ Польскихъ, ихъ воли, ихъ прихотей, ихъ крамоль и козней!

VII.

Такъ начался для Хмельницкаго и Украины 1649 годъ.

Вѣсть о побѣдахъ Богдана разнеслась по всему Востоку Европы. Князь Трансильванскій, Господари Молдавскій и Валахскій, разные владѣтели ордъ Татарскихъ прислали къ нему первые Пословъ, поздравляли съ благополучнымъ окончаніемъ войны, предлагали союзъ и дружбу, препровождая вмѣстѣ съ тѣмъ богатые дары. Вскорѣ потомъ явились и По-

слы Султана: онъ слалъ къ нему булатную саблю, кафтанъ, опушенный горностаемъ, булаву, осыпанную драгоценными каменьями и жемчугами, а Козакамъ 40 мѣшковъ съ серебрянными Турецкими левами, приказавъ Хану Крымскому и Пашѣ Силистрійскому помогать Хмельницкому войсками; тогда-же заключилъ Гетманъ договоръ съ Турціею, очень выгодный для Украины.

Переяславль, гдѣ Хмельницкій принималъ всѣхъ этихъ Пословъ, зашумѣлъ скоро новою радостью; то былъ бракъ Гетмана съ его прежней любовницею, похищенной у него Чаплицкимъ. Ихъ вѣнчалъ Коринѣскій Митрополитъ Іосафъ. Цѣлую недѣлю продолжались свадебные пиры. Толпы веселаго народа не оставляли большую загородную площадь, что близъ кладбища, ни днемъ ни ночью: они пили, пѣли, веселились, славили Хмельницкаго и за его славу и за его вино. Свидѣтелями этой радости народной были новые Послы — Послы Царя Московскаго.

Гетманъ встрѣтилъ ихъ верхомъ за городомъ, и великолѣпно принялъ. Тѣ Посланцы были: Василій Михайловъ и Григорій Унковскій. Они привезли Гетману Царскую добрую Грамоту и дары соболями, и отвезли Царю дары Хмельницкаго — лошадь и лукъ Турецкій. Съ ними поѣхалъ и Чигринскій Полковникъ Ѳедоръ Вешнякъ просить у Царя покрову Войску и всей Украинѣ.

Наконецъ въ Февралѣ мѣсяцѣ прибыли въ Переяславль и Послы Польскіе, изъ коихъ главный былъ Воевода Кисель. Съ громомъ пушекъ и звуками трубъ принялъ ихъ Хмельницкій. Іоаннъ Казимиръ присылалъ ему: булаву, осыпанную сафирами, пурпуровую хоругвь съ бѣлымъ орломъ и вензелемъ (или именемъ) Королевскимъ и Грамоту на достоинство Гетмана. Хмельницкій старался всячески угодить Депутатамъ, ласкалъ ихъ, дарилъ, ежедневно увеселялъ пирами и разными играми. Здоровье пили изъ золотыхъ пугаръ, и молодая жена Хмельницкаго, у-

крашеная драгоцѣнными парчами, ка-
меньями и клейнотами, сама подчивала
Пословъ и мужа трубками. — Богъ
дасть, — говорилъ Хмельницкій — я за-
мирюсь съ добрымъ Королемъ: тогда же-
на сварить намъ борщу, и забудемъ бы-
лое за дружнымъ столомъ. — То былъ
старый обычай — поминать сѣмейное
замирье борщемъ за дружнымъ столомъ.

Казалось, миръ будетъ проченъ: та-
кое дружелюбіе соединяло Гетмана съ
послами; но такъ ластятся другъ ко дру-
гу два пса, — и охаживаютъ другъ друга,
и мирны какъ агнцы; увидите, они взгры-
зутся. Скоро Хмельницкій собралъ Вой-
сковую Раду, и она, послѣ многихъ спо-
ровъ и распрей, обругавъ пословъ Поль-
скихъ, согласилась предаться Королю съ
тѣмъ, что-бы возстановлены были всѣ
стародавнія права и вольности Козаковъ,
что-бы комплектъ реестровой кравчины
состоялъ изъ 40,000, чтобы Жиды и
Лезуиты всѣ до одного были изгнаны изъ

Украины, что-бы Унія была уничтожена, что-бы во всемъ воеводствѣ Кіевскомъ должности были въ рукахъ однихъ православныхъ, что-бы Митрополитъ Кіевскій былъ Членомъ Сената; и наконецъ, что-бы Чаплицкій былъ выданъ Радѣ, а Вишневецкій удаленъ отъ начальствованія Войскомъ. Кисель убѣждалъ Хмельницкаго смягчить требованія Рады, но Рада осталась непреклонна. Поляки не приняли предложенныхъ условій, и переговоры окончились тѣмъ, что военныя дѣйствія отсрочены до Троицына дня.

VIII.

Еще 17 Января — Іоаннъ Казиміръ короновался въ Краковѣ; еще въ Февраль Войска Польскіе, порученные Фирлею, Ланцкоронскому и Остророгу, выступили въ походъ.

Возмущенія въ Барѣ и Тарнополѣ, куда Король для усмиренія бунтовщиковъ послалъ Фирлея, были поводомъ къ

начатию войны до исчеченія срока перемирія; впрочемъ до Юня время протекло въ частныхъ сшибкахъ.

Наконецъ рушилъ и Хмельницкій съ Татарами. Все войско его простиралось до 300,000. Эта ужасная рать, какой, по словамъ Летописцевъ Польскихъ, не видано было со временъ Атиллы и Тамерлана — 13 Юня осадило Збаражъ, гдѣ 10,000 войска Польскаго было заперто съ Фирлеемъ, Вищевѣцкимъ, Конецпольскимъ и другими военачальниками. Два мѣсяца длилась осада. Храбро нападали на осажденныхъ Козаки и Татары, — отважно, отчаянно защищали себя Ляхи; но осаждающіе могли продлить осаду, сколько будетъ нужно, будучи богаты военными и съѣстными запасами, между тѣмъ какъ осажденные съ каждымъ днемъ терпѣли большій недостатокъ, и въ томъ и въ другомъ: голодъ заставилъ ихъ питаться лошадьми, собаками, кошками, печеной землей, вареными кожами. Зараженный зловоніемъ тру-

повъ воздухъ родиль морь. Ляхи гибли; Ляхи требовали у Хмельницкаго снятія осады. Онъ соглашался; онъ писалъ къ Фирлею: — нежелаю крови Христіанской, ни гибели невинныхъ, но долженъ исполнить требованіе Рады: она согласна на снятіе осады, лишь бы ей выданъ былъ Вишневецкій, Конецпольскій, и другіе Вельможи, заклятые враги Козачества и Православія. — Осада длилась. Ляхамъ оставалась одна надежда, — помощь Короля; но Король былъ еще далеко, Король и не думалъ слѣзнуть, Король не забылъ своего медленнаго важнаго Кардинальскаго шага. Сыскался охотникъ, отвѣчавшій своею головою, что сыщеть средство увѣдомить Короля о бѣдѣ Збаражской. Настала мрачная, глухая ночь. Грозныя тучи нависли надъ Збаражемъ. Кое-гдѣ только тускло блестяли подобно блуждающему огню маяки Козацкіе, и на Востокъ сверкала по временамъ сухая молнія. Будто подкодная змѣя ползъ черезъ валы, пробивался сквозь

полисады, вился вокругъ шанцевъ юный Полякъ. Малѣйшій шорохъ его останавливалъ; малѣйшая тишь его подвигала впередъ. То былъ Посланикъ Збаражскій. Ночью онъ ползъ, на день укрылся подъ сухими листьями. На другую ночь онъ опять ползъ, и днемъ снова исчезалъ въ листьяхъ. Онъ счастливо добрался до Короля.

Въ день Св. Іоанна Крестителя, благословенный Нунціемъ Папскимъ Іоанномъ де Торресомъ, подъ сѣнію хоругви имъ освященной, съ 20,000 войска Іоаннъ пошелъ противъ Хмельницкаго; молитва и посты были его вожатаями, его утѣхой. Въ половинѣ Августа онъ приблизился къ Зборову. Пущенное на стрѣль письмо изъ стана Козацкаго увѣдомило осажденных въ Збаражъ о его приходѣ, — и осажденные съ большимъ мужествомъ стали обороняться отъ натиска Козаковъ и Татаръ.

Едва только вѣсть о приближеніи Короля достигла Збаража, Хмельницкій

и Ханъ, оставя часть войска для поддержанія осады, выступили на встрѣчу новаго воинства. Счастье помогло имъ. Туманнымъ утромъ, въ то самое время, когда Король переправлялся чрезъ болота, они напали на него, отбили обозъ, и окружили его воиновъ со всѣхъ сторонъ. Король былъ въ опасности; Балдуинъ Оссолинскій спасъ его цѣною своей жизни. Битва длилась цѣлый день. Къ ночи Козаки и Татары совершенно овладѣли положеніемъ стана Поляковъ. Несчетное множество ихъ погибло во время строенія окоповъ. На утро должна была развиться ужасная сѣча. Военачальники Польскіе, страшась, что ихъ храбрость не устоитъ противъ огромной силы враговъ, еще болѣе страшась мятежа въ станѣ, по которому пронеслась молва, будто Король думаетъ бѣжать со всѣми Вельможами и оставить ихъ на произволь ярости непріятельской, не знали что предпринять. Оставалось одно — убѣдить къ миру Хана, который когда-то былъ у

Поляковъ въ плѣну и получилъ свободу по милости Владислава IV. Король, для предотвращенія смятеній въ войскѣ, не смотря на ненастье, объѣхалъ станъ, увѣряя солдатъ, что по наступленіи утра, онъ съ ихъ помощію надѣется разбить врага; и потомъ послалъ къ Исламу плѣннаго Татарина съ письмомъ, предлагая миръ и союзъ. Наступило утро. Татары устремились на станъ, а Козаки на городъ. Не смотря на первыя неудачи, и тѣ и другіе успѣли овладѣть многими укрѣпленіями, и Хмельницкій развилъ свое знамя на главномъ валу стана Польскаго... Ханъ не слалъ Королю отвѣта... Поляки получили его только въ полдень, будучи уже приведены въ самое жалкое положеніе... Битва прекратилась. Ханъ соглашался на миръ, обѣщалъ склонить къ миру и Хмельницкаго, который съ своей стороны писалъ къ Королю о своемъ желаніи окончить брань, лишь-бы только Козаки и народъ Украинскій во-

обще были обезпечены въ правахъ и спокойствіи.

Среди лагерей трехъ войскъ, гдѣ еще во множествѣ разбросаны были жертвы раздора, гдѣ не смотря на строгія запрещенія громъ орудій прерывалъ по временамъ стоны умиравшихъ, начались переговоры; и наконецъ заключенъ миръ, по которому Польша обязалась платить Хану ежегодно по 30,000 злотыхъ, выдавъ тотчасъ такую сумму за два прежніе года, Козакамъ вмѣстѣ съ забвеніемъ всего былого предоставлены всѣ прежнія права, число реестровой конскрипціи положено 40.000, рѣка Горынь назначена предѣломъ между Украиной (Гетманщиной) и Польшей, Жиды и Уніаты должны быть выведены отовсюду, гдѣ имѣютъ право жить Козаки, и Митрополиту Кіевскому дано право засѣдать въ Сенатѣ.

Збаражъ, гдѣ Поляки подкрѣпляемые въ мужествѣ храбрымъ Фирлеемъ не преставали сражаться съ голодомъ, мо-

ромъ и Козаками, между которыми отличался воинственный Джеджелей, — Збаражъ, покрытый трупами, обнесенный трупами, освободился отъ осады.

Войска Козацкія, бывшіеся съ Радзивиломъ въ Литвѣ, воротились во свояси.

Враги разстались дружелюбно. И миръ сталъ на Украинѣ.

На долго-ли?

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

IX.

Договоръ Зборовскій былъ слишкомъ тягостенъ, если не для державы Польской, то для Дворянства и Духовенства Католическаго, которыя въ силу его лишились почти всѣхъ правъ, дотолѣ употребляемыхъ ими во зло по волѣ во всей Украинѣ. Сеймъ утвердилъ его только по необходимости, только изъ боязни, что продолженіе войны тягостной и кровопролитной доведетъ и державу и подданныхъ до гибели совершеннаго раззоренія. Надобно было покориться обстоятельствамъ. Впрочемъ ни Дворяне ни тѣмъ болѣе Духовенство не переставало роптать на Короля и Канцлера Оссолинскаго, за Зборовскія статьи; ругали, пи-

сали пасквили, — и только благоразуміе великодушнаго Политика Адама Киселя удерживало Поляковъ отъ явнаго раздора съ Хмельницкимъ. Назначенный Воеводою Кіевскимъ и Депутатомъ въ Украину для приведенія въ исполненія договора, Кисель уѣхалъ, — и все пошло иначе. Пріѣздъ Митрополита Кіевскаго Сильвестра Коссова для занятія мѣста въ Сенатѣ, возмутилъ все Польское Духовенство. Гордые рабы Папы торжественно объявили, что оставлятъ свои мѣста, если займетъ его межъ ними врагъ преемника Св. Петра, что Король не имѣетъ права вносить въ договоры условія, противныя законамъ церкви. Всѣ убѣжденія смириться остались тщетны. Митрополитъ, безпрерывно оскорбляемый, долженъ былъ наконецъ опасаться и за жизнь, и возвратился въ Кіевъ. Между тѣмъ помѣщики Польскіе, думая жестокостію поддержать свою власть въ Украинскихъ помѣстьяхъ стали по прежнему утѣснять народъ, и къ Хмельницкому нерѣдко являлись Ко-

заки безъ ушей и носовъ, умоляя о защитѣ. Мятежи возобновились. Козаки и безъ того недовольные на Хмельницкаго за то, что онъ многихъ изъ нихъ исключилъ изъ реестровъ, дабы ограничить число реестроваго войска 40-омъ тысячъ, помогали мятежникамъ. Ни Хмельницкій ни Ляхи не могли ихъ усмирить. Впрочемъ будучи самъ обиженъ оскорбленіемъ Митрополита, Хмельницкій озвалъ Раду, и по ея согласію послалъ Депутатовъ въ Польшу съ запросомъ: какъ хочетъ Сеймъ исполнять Зборовскій договоръ? Сіи Депутаты должны были въ силу Зборовскаго договора требовать у Сейма уничтоженія всякой Уніи, подтвержденія власти Хмельницкаго по той сторонѣ Днѣпра съ тѣмъ что-бъ ее не имѣлъ надъ крестьянами тамошними ни одинъ Шляхтичъ, что-бъ водворившіеся тамъ Шляхтичи работали какъ поселяне, и чтобъ наконецъ 10 Эпископовъ въ полномъ собраніи Сената поклялись въ исполненіи всего этаго, а для вѣрности да-

но было-бы четыре палатина по выбору Гетмана заложниками, — и въ такомъ случаѣ Гетманъ обѣщался платить Королю ежегодно по 1,000,000 злотыхъ. Впрочемъ Хмельницкій предугадывалъ отказъ, и опредѣлилъ Депутатамъ ограниченіе, по которому Поляки должны были означить земли Козакамъ, гдѣ-бы имъ никто не мѣшалъ, чтобъ Король и 12 главнѣйшихъ Сенаторовъ поклялись на всегда храниль Зборовскій миръ, чтобы 3 изъ нихъ даны были Гетману заложниками и наконецъ чтобъ оставлена была Унія. И этого одного было-бы довольно къ возобновенію войны. Новыя обстоятельства ускорили разрывъ.

Хмельницкій не переставалъ продолжать сношенія съ Ханомъ, Султаномъ и Царемъ и заботиться объ укрѣпленіи городовъ и устроеніи войска въ военное положеніе. Польское Правительство узнало это, и съ своей стороны, опасаясь внезапнаго нападенія Козаковъ, стало помышлять о сопротивленіи, особенно ко-

гда Хмельницкій задумалъ вступить въ родственныя связи съ богатымъ и сильнымъ Господаремъ Молдавіи Василиемъ Луполой посредствомъ женитьбы сына своего Тимоея на его дочери (Иринѣ, Роксанѣ), и купить себѣ это родство если не добрымъ словомъ, то доброй саблей.

Хмельницкій началъ дѣло, а войско Польское подъ начальствомъ Короннаго Гетмана Потоцкаго двинулось къ Каменцу Подольскому, и стало въ окопахъ. Переговоры пошли худо. Не смотря на участіе, принимаемое Султаномъ въ пользу Хмельницкаго, гордый Господарь не согласился на предлагаемый бракъ. Надобно было взяться за оружіе. 16,000 Козаковъ подъ начальствомъ Носача, Пушкаря и Дорошенка и 20,000 Татаръ вторглись въ Молдавію. Скоро Сорока, Сутчава и Яссы были разграблены. Господарь удалился въ Хотинъ, а оттуда въ лѣса, и просилъ помощи у Короннаго Гетмана Потоцкаго; но Коронный Гет-

мать отвѣчала Дупуль: — тебѣ бѣда, и мнѣ была: я провѣдалъ Татарскій плѣнъ, и боюсь Хмельницкаго. — Молдавія была на краю гибели: только 20,000 червонныхъ, выданныхъ Татарами и согласіе на бракъ могли остановить военныя дѣйствія. Возвращаясь домой, Козаки ограбили Бендеры.

Этотъ успѣхъ оружія Козацкаго вооружилъ еще болѣе Сеймъ противъ Хмельницкаго. Депутація Козацкая не могла надѣяться на успѣхъ; ея требованія почтены оскорбленіемъ власти, и ни ограниченіе ихъ, ни убѣжденія Киселя не были въ силахъ потушить общаго озлобленія Дворянъ и Духовенства; тѣмъ болѣе что безпрестанно доходили новыя извѣстія о мятежахъ крестьянъ въ Украинѣ, кои часто оканчивались кровопролитіемъ. Боязнь быть какъ прежде побѣжденными силой Запорожской одна заставляла Поляковъ длить переговоры, но и эту боязнь тушила злоба. Возобновленіе военныхъ дѣйствій становилось отчасу вѣр-

нѣе, особливо съ тѣхъ поръ, какъ Поляки узнали, что будто Хмельницкій, великолѣпно принявъ Посла Султанскаго Ада Чауса, привезшаго ему въ даръ саблю и хоругвь, склонился на его предложеніе поддаться Султану, хотя и отвергнувъ предложеніе помощи въ дѣлѣ съ Поляками.

Сеймъ объявилъ посполитое рушенъе, и Король бѣднѣй войскомъ и деньгами рѣшился прибѣгнуть къ Папѣ, прося у него денежной помощи противъ Козаковъ. Но поелику Иннокентій X вмѣсто помощи прислалъ Іоанну Казиміру только свое благословеніе, то должно было прибѣгнуть къ новымъ мѣрамъ. Собрали пожертвованія съ вельможъ и со всего Дворянства, наложена новая подать на народъ, и наборъ и устроенія войска пошли довольно удачно. Не остался, говорятъ, въ дому ни одинъ Шляхтичъ, и седьмого человѣка на войну вывели изъ всего народа. Военныя дѣйствія положено начать до наступленія весны, дабы не

дать Козакамъ времени приготовиться къ отраженію, а между тѣмъ для прикрытія границъ посланъ Полевою Гетманъ Калиновскій. Поляки впрочемъ не упустили изъ виду и средствъ помириться съ Хмельницкимъ, но Хмельницкій не хотѣлъ слушать иныхъ условій, кромѣ Зборовскихъ. Маковѣцкій поѣхалъ къ Митрополиту Кіевскому съ письмомъ Короля, въ которомъ онъ повелѣвалъ ему увѣщевать Козаковъ смириться предъ нимъ. — Если же не захотятъ Козаки предаться добромъ волѣ моей, то не захочу и я оставить ихъ Украины безъ огня и меча, и вѣрное мое войско обратитъ ихъ жилища въ пепель. — Таковъ былъ смыслъ письма Королевскаго. Сильвестръ отказался отъ всякаго участія въ этомъ дѣлѣ, и послалъ Маковѣцкаго въ Чигринъ къ Гетману. — Насъ разсудитъ Богъ, — отвѣчалъ Хмельницкій; но Хмельницкій уже начиналъ бояться силы Поляковъ.

Онъ обнародовалъ письмо Короля, надѣясь чрезъ это ополчить подъ свои

знамена болѣе воиновъ ; но счастье уже начало отвращать отъ него свое лице. Храбрый, отважный, но благоразумный и осторожный до Зборовскаго мира, казалось, онъ не искалъ ничего болѣе какъ одной любви народной; казалось, забывая о себѣ, помышлялъ объ одной славѣ войска и благоденствіи Украины. Не то обнаружилъ онъ, когда возвеличенный славнымъ окончаніемъ войны съ Поляками, вступилъ въ переговоры съ державами всего Востока Европы, какъ державный властелинъ. Соблюдая дотолѣ всѣ обычаи народные, храня во всей строгости власть ограниченную, какую могъ онъ пользоваться какъ Гетманъ, во всемъ соображаясь съ мнѣніемъ Рады и Козаковъ, почтенныхъ довѣренностью и любовью народа, онъ самъ заслужилъ довѣренность и любовь; но гордый силой, которая привела въ трепеть Польшу и Молдавію, онъ началъ выказывать высокоуміе и власть самодержца предъ Панами молодцами, которыхъ долженъ былъ почитать

товарищами, дѣлалъ распоряженія безъ согласія Рады, часто въ противность ея воли, рѣже и рѣже сталъ созывать ее, — и такимъ поведеніемъ вооружилъ противъ себя прежде Старшинъ, потомъ Козаковъ. Не думая уже о любви народной, думая только о власти, онъ забылъ и правила благоразумной осторожности, которыя ввели его на его великое поприще. Самонадѣянность заступила ихъ мѣсто. Самонадѣянность заставила его отказаться отъ помощи, предложенной Султаномъ; самонадѣянность заставила его не мирнымъ словомъ а саблей и казнію потушить мятежъ въ войскѣ, которымъ начался 1651 годъ; самонадѣянность должна была или згубить его, или обратитъ къ прежней осторожности, давъ ему урокъ раскаяться. Хуже всего была для Хмельницкаго дружба, которою почтилъ онъ Выговскаго, того самаго, котораго взялъ онъ въ плѣнъ на битвѣ Желтоводской. Выговскій былъ лучшимъ, единственнымъ другомъ его, Войсковымъ его писаремъ,

совѣтникомъ во всѣхъ дѣлахъ, — и Выговскій-же былъ недругомъ почти всѣхъ Старшинъ, Выговскій былъ недругомъ чести и совѣсти.

Козаки вооружались на Ляховъ, но не всѣ становились подъ знамена Хмельницкаго, а выбирали отдѣльныхъ вождей. Единодушіе, возстановленное на время Хмельницкимъ, имъ же самимъ было разрушено: его паденіе было главною причиною неудачи военныхъ дѣйствій Козаковъ, сколько его сила съ противной стороны, искусно возбужденная на время Иоанномъ Казимиромъ, была причиною успѣховъ войска Польскаго.

Х.

Военныя дѣйствія начались частными схватками.

Первый выступилъ противъ Поляковъ Даніилъ Нечай, Полковникъ Брацлавскій. Проникнувъ въ глубь Польши съ 3000-ною дружиной этотъ храбрый

вождь предавалъ тамъ все огню и мечу. Воевода Брацлавскій Станиславъ Ланцко-ронскій послалъ къ нему Депутатовъ про-ся его прекратить мятежь. Нечай не только съ презрѣнiемъ отвергъ его просьбу, но и приказалъ умертвить Депута-товъ. Это раздражило Воеводу. вспомо-ществуемый Калиновскимъ, онъ вышелъ противъ Нечая, гналъ его до Краснаго, сразился на Запусты Спасовы, сразилъ, убилъ, и разсѣялъ его дружину.

Войско Польское раздѣлилось на двѣ части. Одна пошла внизъ по Днѣпру и овладѣла Шаргородомъ и Ямполемъ. Дру-гая двинулась вверхъ по Богу къ Виши-цѣ. Этотъ городъ былъ защищаемъ Пол-ковникомъ Богуномъ. Узнавъ о прибли-женіи Ляховъ, онъ изрубилъ ледъ на рѣ-кѣ въ томъ мѣстѣ, гдѣ должны были пе-реправляться чрезъ нее Ляхи, и, давъ слабо подмерзнуть, прикрылъ лдяную кору соломой. Не предполагая такой за-сады, Поляки прямо поскакали чрезъ рѣ-ку, и многіе погибли. Не смотря на это,

Калиновскій осадилъ Винницю, взялъ и укрепился въ ней.

На помощь Богуну подоспѣлъ Уманскій Полковникъ Глухъ съ 20,000 Татаръ. Оставивъ въ Винницѣ обозъ и часть пѣхоты, Калиновскій выступилъ въ поле съ 20,000. Съча вскипѣла. Калиновскій, жестоко разбитый, потерявъ обозъ, артилерію и до 5000 пѣхоты, обратился въ бѣгство. Винница снова досталась въ руки Козаковъ. Богунъ съ отборною дружиной пошелъ вслѣдъ за Ляхами, еще разъ жестоко разбилъ, принудилъ бѣжать въ Баръ, а потомъ изъ этого города, худо укрѣпленнаго, къ Каменцу.

XI.

Іоаннъ Казимиръ, бѣдившій на поклоненіе Журавицкой Божіей Матери, послѣдшилъ къ своимъ войскамъ, между тѣмъ какъ отовсюду стекались подъ знамена Короннаго Гетмана Потоцкаго новыя дружины, набираемыя не столько

на счётъ республики, сколько на счётъ вельможъ, особенно заклятаго врага Козаковъ Князя Иереміи Вишневецкаго.

Калиновскій, получивъ повелѣніе какъ можно скорѣе присоединиться къ главной арміи, стоявшей подъ Владиміромъ, успѣшилъ укрѣпить Каменецъ, и потомъ отправился къ Соколю, куда между тѣмъ переведена главная квартира, и гдѣ былъ уже Король. 18,000 Козаковъ и 2000 Татаръ его преслѣдовали, выдержали нѣсколько битвъ, и на сраженіи подъ Зборовымъ жестоко разбили его. Остальные Козаки, которыхъ, говорятъ, было до 70,000, взяли Панёвцы и потомъ осадили Каменецъ. Раздоръ между старшинами былъ причиною того, что осада пошла неудачно; а гарнизонъ Каменецкій съ такимъ успѣхомъ отражалъ нападенія, что Козаки хотѣли изрубить нѣкоторыхъ полковниковъ, казнили вѣроломнаго Суходила, и, не надѣясь на удачу, начали грабить окрестныя селенія, оставивъ подъ Каменцемъ не болѣе 10,000

товарищей. Хмельницкій приказалъ снять осаду, и, расположивъ по Литовскимъ границамъ три полка — Кіевскій, Черниговскій и Нѣжинскій—и Нагайскихъ Татаръ съ Орели и Самари, кое-какъ успѣлъ собрать подъ свои знамена до 100,000 Козаковъ охочекомонныхъ и реестровыхъ, и двинулся къ Збаражу двумя путями — вверхъ по Збурчу чрезъ Сатановъ и Сколатовъ и по старому Брацлавскому шляху на Баръ и Константиновъ. Эти города со многими другими преданы огню и мечу.

Король, узнавъ о дѣйствіяхъ Козаковъ, пошелъ къ нимъ на встрѣчу съ Буга на Стырь, и на правомъ берегу Стыри на противъ Берестечка, тыломъ къ рѣкѣ расположился станомъ.

Хмельницкій шель медленно, поджидая Хана. 21 Іюня они имѣли свиданіе на Брянкѣ, и выслали къ Берестечку передовой отрядъ, 10,000 Татаръ, для занятія выгоднаго мѣста для укрѣпленій. Думая воспользоваться темнотою, этотъ

отрядъ въ тотъ-же вечеръ устремился изъ аванпосты Польской арміи. Ихъ дикій вой, внезапно раздавшійся вдоль передовой линіи, взволновалъ весь станъ. Король, изумленный этимъ неожиданнымъ нападеніемъ, не зная что предпринять противъ врага, котораго силы были вовсе неизвѣстны. Потоцкій приказалъ выступить отрядамъ Александра Конецпольскаго и Юрія Любомирскаго. Татары сомкнулись, сразились, сразили; но, окруженные съ тылу отрядомъ Вишневецкаго, съ большимъ усиліемъ смогли прорваться сквозь ряды Поляковъ, и бѣжали съ поля битвы, потерявъ большой уронъ.

На другой день Ханъ поспѣшалъ на помощь своимъ, и сразивши отрядъ Поляковъ, гнавшихъ его Татаръ, занялъ возвышенности Сташовской горы противъ стана Польскаго. 29 Іюня Радзивиль, Янъ Сапѣга и Михайль Чарторійскій выступили противъ Хана. Татары ловко отразили ихъ нападеніе. Король отрядилъ противъ нихъ еще четыре полка. Поляки

съ трехъ сторонъ окружили Татарь, стѣснили, принудили сомкнуться въ карре, но сразить не могли. Потерявъ лучшихъ наѣзтниковъ, они отступили, оставивъ Татарь въ ихъ позиціи. Къ вечеру вслѣдъ за остальными отрядами Крымцевъ явились и Козаки съ Хмельницкимъ.

Въ тотъ-же вечеръ у Короля собрался совѣтъ: рѣшено сразиться не медля.

Къ утру громъ пушекъ и звукъ трубъ раздался по долинь. Король, всю ночь не смыкавшій глазъ, всю ночь молившійся объ успѣхъ и раздавая приказы, выѣхалъ передъ строемъ, приготовляя войско къ битвѣ. Онъ принялъ самъ начальство надъ главнымъ Корпусомъ; правое крыло поручилъ Коронному Гетману Николаю Потоцкому, лѣвое — Полевому Гетману Мартыну Калиновскому. Строй прикрыли пушками. За строемъ по берегу Стыри лежалъ укрѣпленный станъ, и по валу его уставлена была непрони-

цаемая фаланга копей. Всего войска было около 300,000.

Противъ праваго крыла Польскаго войска по горѣ и отлогости, полумѣсяцемъ стояли Татары; противъ войскъ Короля и Калиновскаго растянулись Козаки, прикрывъ таборъ рядами и пушками.

Солнце взошло, и потухло въ туманѣ, облежавшемъ густою пеленою поле битвы. Оно было уже высоко, когда Хмельницкій началъ стрѣльбу и вылазки. Онъ думалъ завлечь этимъ Поляковъ въ частныя схватки, привести ихъ въ безпорядокъ, продлить день и уже вечеромъ напасть на Поляковъ всѣми силами. Король угадалъ эту хитрость, подъ смертною казнію запретилъ воинамъ выступать изъ строя, и даже повелѣлъ свести со Стыри всѣ мосты, опасаясь, можетъ быть, нападенія съ тылу; впрочемъ Хмельницкій продолжалъ вылазки до полудня. Военначальники Польскіе думали уже отложить сраженіе до слѣдующаго дня. Одинъ Вишневецкій думалъ другое, рѣшительно объ-

явилъ, что всякое замедленіе будетъ пагубно, и убѣдилъ наконецъ Короля начать битву.

Сигналь поданъ. Поляки двинулись. Калиновскій выступилъ на Казаковъ; за нимъ Король къ Сташовской горѣ на Татаръ; за Королемъ отрядъ войска Потоцкаго къ югозападному склону этой горы. Сразивъ передовыя укрѣпленія Козаковъ, Калиновскій заставилъ ихъ строй подвинуться къ табору. — Татары долго и стойко отражали нападенія Поляковъ. Побѣда уже клонилась на ихъ сторону, когда Поляки грянули изъ пушекъ прямо на ставку Хана. Исламъ видѣлъ паденіе трехъ тѣлохранителей своихъ; Исламъ видѣлъ какъ ядро, убивъ Мурзу, пало у самыхъ ногъ его, устранился, и убѣжалъ. Вслѣдъ за нимъ бѣжали почти всѣ Татары, оставивъ на полѣ битвы множество сѣделъ, сабель, повозокъ, даже Ханскую палатку, хоругвь и серебрянный позолоченный барабанчикъ, которымъ сзывали особъ свиты Хана.

Король, пославъ нѣсколько отрядовъ конницы для преслѣдованія Татаръ, обратилъ всѣ силы свои на Козаковъ.

Окруженные съ трехъ сторонъ Поляками, стѣсненные съ тылу таборомъ, за которымъ тянулись болота, Козаки мужественно отражали нападенія враговъ. . . .

Хмельницкаго уже не было съ ними. Боясь чрезъ бѣгство Хана проиграть сраженіе, столь рѣшительное, онъ поспѣшилъ къ нему вмѣстѣ съ войсковымъ писаремъ Выговскимъ и не большимъ отрядомъ тѣлохранителей, съ тѣмъ что-бы уговорить его возвратиться къ Стыри. Хмельницкій настигъ Хана подъ Ожегувцами, но всѣ просьбы, всѣ обѣты остались тщетны. Ханъ, вѣроятно, подкупленный Поляками, приказалъ только 20,000 Татаръ выступить; но отраженные Поляками они бѣжали; и Выговскій, бывший съ ними, можетъ быть желая избѣгнуть гнѣва Ханскаго удалился въ Паволочъ. Оскорбленный новой неудачей, Ханъ

грозилъ Хмельницкому выдать его Полюкамъ въ замѣнъ Мурзъ, плѣнныхъ ими; поступалъ съ нимъ жестоко, обидно, какъ съ плѣнникомъ; и, казнивъ за самовольство нѣкоторыхъ Козаковъ, бывшихъ съ Хмельницкимъ, заставилъ другихъ разбѣжаться. Гетманъ остался одинъ въ рукахъ Татаръ, прѣзрѣнный, униженный, въ зависимости отъ воли Ислама, въ ожиданіи быть преданнымъ въ руки Ляховъ, или по крайней мѣрѣ, убитымъ на плахѣ безчестнаго злодѣя. Вотъ до чего довела его самоувѣренность, высокомеріе, властолюбіе! вотъ какою платой былъ онъ привужденъ купить любовь къ отчизнѣ, которую промѣнялъ было на любовь къ себѣ! И то не былъ еще конецъ кары. Хмельницкій искалъ спасенія въ молитвѣ и деньгахъ: огромною цѣной купилъ онъ себѣ свободу; но лишь только приготовился къ выѣзду отъ Хана, какъ получилъ горькую вѣсть, что Козаки, озлобленные пораженіемъ и бѣгствомъ его къ Хану, подняли мятежъ, и его казню

думаютъ искупить свою недолю. . . .
Хмельницкій выѣхалъ въ Чигринъ, успѣлъ
помощію лазутчиковъ схватить начальника
дружины мятежниковъ. То былъ обозный
Мартынь Сулима—другъ Гетмана. Хмель-
ницкій пожалѣлъ его, не казнилъ, а
заключилъ въ темницу, и вскорѣ возвра-
тилъ ему свободу; но это великодушіе—
было-ли оно искреннее или притворное—
не усмирило бунтовщиковъ.

Разсѣявшись на малые отряды, они
стали разбойничать, и нѣсколько разъ
разбиты были Іоанномъ Радзивиломъ,
между тѣмъ какъ онъ опустошалъ Ко-
зацкія поселенія по Случи и Сѣверному
Бугу и подвигался все ближе къ Днѣпру.
Другой отрядъ мятежниковъ умертвилъ
наказнаго Атамана Адама Гордѣенка, и
внезапнымъ вторженіемъ въ Крымъ еще
болѣе озлобилъ Хана противъ Хмель-
ницкаго.

Гдѣ былъ тогда Хмельницкій? чѣмъ
занятъ былъ онъ? . . . Но онъ не
возвратился къ Стыри. Джеджелей, ко-

торому Хмельницкій поручилъ начальство надъ войскомъ, принужденъ былъ окопаться съ Козаками въ таборъ. . . .
Дождь лилъ ливнемъ всю ночь. Козаки, забывая усталость, гибель своихъ собратій и бѣду имъ грозившую, продолжали неутомимо работы, пока окончили. Къ разсвѣту валъ и ровъ были готовы. Поляки двинулись на Козаковъ. 40 орудій неустанно громили таборъ. Козаки защищались отчаянно. Джеджелей воодушевлялъ ихъ своимъ примѣромъ. 4 Юля съ небольшимъ отрядомъ охотниковъ онъ устремился на одинъ Польскій редутъ, разбилъ гарнизонъ его защищавшій, и овладѣлъ двумя пушками. На другой день взгрохотало ужасное побоище. Козаки, оставляя таборъ, врывались въ ряды Ляховъ, и стѣсняемые врагами падали одинъ за другимъ. . . . Не долго и таборъ могъ быть ихъ защитой: Поляки остушили его со всѣхъ сторонъ. Всѣ хитрости Джеджелея отозвать ихъ на одну сторону остались напрасны. По-

гибель готовилась всѣмъ. Джеджелей собралъ Раду, и предложилъ Козакамъ смириться предъ Ляхами. — Нѣтъ! Мы сразимъ или погибнемъ: не стыдомъ, а костями враговъ покроемъ свои головы! отвѣчали Козаки. — Кто-же, если-вы погибнете, кто останется тогда защитникомъ родины? — возразилъ Джеджелей. — Поднялся говоръ. Готовы были уже склониться на предложеніе Джеджелея. Не согласился одинъ Богунь. — Богъ спасетъ насъ и нашихъ! — говорилъ онъ. — Не станеть насъ, нашу смерть отомстятъ родичи. — И посланецъ Казимира, прибывшій съ требованіемъ сдаться, отосланъ съ гордымъ отвѣтомъ, что Козаки сдадутся только мертвые, или заставятъ Короля возобновить Зборовскій договоръ.

Грозная, бурная ночь налегла надъ полемъ битвы. Думая воспользоваться невзгодой, Богунь, заступившій мѣсто Джеджеля, съ отрядомъ лихачей вздумалъ обратиться къ Полякамъ и незашнымъ нападеніемъ сразить ихъ. Вождь Польскій

Ланцкоронскій затѣялъ то-же противъ Козаковъ. Въ то самое время, когда Козаки ринулись на Короля, и подъ грозу грома и зарево молній бились вокругъ самой ставки его, Ланцкоронскій зашелъ къ табору съ тылу и поражалъ Козаковъ. И тамъ и здѣсь дрались отчаянно. Наконецъ Богунь, жестоко раненный, потерявъ болѣе 1500 храбрыхъ товарищей, возвратился въ таборъ. Ланцкоронскій принужденъ былъ отступить въ свою очередь. Ожесточенные Козаки погнались вслѣдъ за нимъ, многіе погибли въ болотахъ, оставшіеся въ живыхъ излили свою мечь надъ плѣнными: однихъ сожгли, другихъ посадили на колы, раненныхъ закопали вмѣстѣ съ убитыми близъ вала съ сѣвера, составивъ изъ этихъ могилъ крѣпкій редутъ.

12 Іюля Ланцкоронскій двинулся къ нему. Богунь привязанный къ сѣдлу выступилъ между тѣмъ снова на Короля, снова былъ отбитъ еще съ большимъ урономъ, устремился на Ланцкоронскаго,

бить отбить, и бѣжалъ. Козаки, кото-
рыхъ оставалось не болѣе 30,000, лишен-
ные предводителя взволновались.—Старцы
покинули насъ! — говорили они. — Съ
нами нѣтъ Хмельницкаго! — Они жалѣли
не напрасно. Одинъ Хмельницкій былъ
между Козаками искуснымъ Полковод-
цемъ; онъ одинъ умѣлъ дать сраженіе
если не славно, то выгодно; другіе
старшины Козацкіе могли хвалиться лич-
ной храбростью и отвагой, но не иску-
ствомъ военнымъ. . . . Напрасно Джеб-
желѣй, принявшій снова начальство надъ
Козаками, старался ихъ усмирить и при-
вести въ порядокъ. Смятеніе отчасу уве-
личивалось. Поляки не преставали гро-
мить таборъ пушками. Козаки ударились
въ бѣгство. Только горсть самыхъ отваж-
ныхъ стала неподвижно, храбро отражая
нападенія враговъ. Потоцкій рѣшился
предложить имъ прощеніе, — они его не
приняли, — и всѣ пали. Одинъ изъ нихъ
бросился въ лодку и три часа избѣгалъ
ружейныхъ выстрѣловъ. Все оружіе его

состояло въ кося. — Не боюсь смерти!
умру Козакомъ! — кричалъ онъ, и палъ
подъ ударами. Всѣ Козаки, не успѣвшіе
укрыться, были убиты. Таборъ достался
Ляхамъ.

Стырское дѣло лишило Украину по
крайней мѣрѣ 50,000 воиновъ. Остальные
бѣжали. Потоцкій и Калиновскій съ 20,000
пошли вслѣдъ за ними.

Король думалъ идти въ Кіевъ, куда
приближался уже Радзивиль; но Дворяне
убѣдили его возвратиться въ Варшаву, и
сами себѣ испросили отпускъ для отдыха.

Такъ кончилась битва, ославившая
Хмельницкаго.

ХП.

Между тѣмъ Радзивиль, жестоко
поразивъ Козацкія силы Небабы, Гор-
куши и Антона Ватага подъ Гомелемъ,
Лоевымъ и Любечемъ перешелъ чрезъ
Припеть, и еще сразившись съ ними
подъ Чернобылью, поспѣшно пошелъ къ

Кіеву. Кіевляне, провѣдавъ о приближеніи врага, сдѣлавшаго страшнымъ имя свое во всей Сѣверовосточной Украинѣ, смутились. Пораженіе при Берестечкѣ заставляло ихъ отчаеваться въ успѣхѣ. Полковникъ Горлица возбуждалъ Раду вооружиться; но его просьбы и убѣжденія стоили ему жизни: его обвинили въ изменѣ, въ намѣреніи погубить городъ, и предали казни. Мирнымъ, покорнымъ приемомъ Кіевляне думали задобрить Радзивила. Митрополитъ, знатнѣйшее Духовенство и Дворянство вышли къ нему на встрѣчу со крестами и знаменами, и умоляли пощадить первопрестольный городъ, Христіанство и неповинный народъ. Польки вѣжливо обошлись съ Духовенствомъ, но обообрали достояніе гражданъ подѣломъ отбора оружія, умертвили всѣхъ сопротивлявшихся ихъ лихоимству, и наконецъ предали городъ пламени. Пожаръ, вспыхнувшій вечеромъ въ день Успенія Богородицы, длился два дни. Нѣсколько церквей въ томъ числѣ св.

Власія, св. Василя и Соборная Богородицкая, ратуша, лавки, пивоварни, хлѣбни, гостинные двory содѣлались добычей огня. Болѣе всего потерпѣлъ Подоль. Въ то самое время, когда войны Радзивила, пользуясь смятеніемъ народа продолжали грабежъ, Джеджелей съ дружиной явился въ Кіевъ, напалъ на грабителей, многихъ сразилъ, но стѣсненный Радзивиломъ, принужденъ былъ со стыдомъ отступить. Большая часть его дружины пала, и самъ онъ едва едва спасъ жизнь.

Оставивъ Кіевъ, онъ возвратился на встрѣчу Потоцкому, который приближался къ Днѣпру, съ небольшимъ войскомъ. Хмельницкій вышелъ также противъ Потоцкаго, и соединился съ Джеджелемъ у Трилѣся. Тутъ получили вѣсть, что Потоцкій взялъ уже Паволочь, гдѣ тогда умеръ Іеремія Вишневецкій. Войско Козацкое простиралось до 50,000. Соединенными силами Хмельницкій и Джеджелей легко могли разбить Поляковъ; и тѣмъ труднѣе постигнуть причину,

заставившую Хмельницкаго промѣнять вѣрную побѣду на вѣрный уронъ, и, оставивъ Дзеджедея въ Трильсьѣ, идти подъ Кіевъ. Что влекло его туда?

Дзеджедей, лишившись помощи Хмельницкаго, сдѣлалъ новую ошибку, раздѣливъ свою дружину на двѣ части, изъ которыхъ одну послалъ въ Фастовъ, а съ другой укрѣпился въ Трильсьѣ.

Потоцкій осадилъ Трильсье, и требовалъ сдачи. Козаки не согласились, и упорно защищали себя. Даже женщины помогали Козакамъ и сражали враговъ, кто косою, кто рычагомъ. Поляки грянули на нихъ всѣми силами, сразили, и предали Трильсье пламени. Козаки бѣжали. Несчастные граждане собирались толпами, одни вокругъ пылающихъ жилищъ, другіе вокругъ Поляковъ, прося ихъ сжалиться надъ ихъ бѣдствіями, пощадить, покрайней мѣрѣ, ихъ самихъ и спасенное отъ огня ихъ достояніе; но вопли и моленія остались тщетны. Огонь и мечъ враговъ не пощадилъ никого, ни-

чего. Они оставили Трильсье только тогда, когда вмѣсто города осталось одно дымящееся пожарище, покрытое трупами.

Джеджелей выступилъ снова на Поляковъ. — Смерть или побѣда! — кричалъ онъ въ отчаяннѣи, и, не давъ Потоцкому, шедшему къ Фастову, устроить войско въ боевой порядокъ, устремился на него. Вскипѣла ужасная, убійственная битва. Козаки шли не на побѣду, а на смерть, — ею хотѣли они наконецъ искупить свой позоръ, и по трупамъ враговъ проложили себѣ путь къ побѣдѣ. Потоцкій обратился въ бѣгство, поспѣшивъ увѣдомить Радзивила, что-бы онъ явился къ нему на помощь. Козаки овладѣли обозомъ, но, ослѣпленные удачей, забыли о Фастовѣ. Потоцкій окольнымъ путемъ достигъ этого города, взялъ его, и, казнивъ плѣнныхъ Козаковъ, пошелъ къ Василькову, куда Радзивиль повелъ скоро 9000 войска.

3 Сентября войска Польскія соеди-

нились. Рѣшено было дѣйствовать соединенными силами.

Хмельницкій, которому вездѣ не удавалось, принужденъ былъ подумать о мирныхъ переговорахъ. Послѣ долгихъ споровъ, взаимныхъ обидъ и стычекъ, назначенъ съѣздъ въ Бѣлой церкви. Давно-ли Хмельницкій, гроза Поляковъ, пировалъ съ товарищами въ этой Бѣлой церкви, послѣ побѣды Корсунской? Прошло три года, и какъ жестоко измѣнились обстоятельства! Гдѣ его слава? Гдѣ его гордость и отвага? — Депутаты Польскіе — Андѣмъ Кисель, Юрій Делива-Хлѣбовичъ, Корвинъ Гонсѣвскій и Михаилъ Косаковскій — вступили въ Бѣлую церковь въ сопровожденіи 500 всадниковъ; и въ то-же самое время Мартынъ Сулима, незадолго до сего прощенный Хмельницкимъ, снова поднялъ противъ него знамя бунта. — Хмельницкій хочетъ насъ продать Ляхамъ въ рабство! — говорилъ онъ на вольной Радѣ, и, осудивъ съ ея согласія Хмельницкаго на смерть, по-

слалъ 12 Депутатовъ къ Потоцкому съ требованіемъ возобновить Зборовскій договоръ. Эта дерзость принята худо: Сулима вышелъ на Поляковъ. Сначала счастье польстило ему, но не надолго. Его дружина была разбита. Дерзкій Сулима не посмотрѣлъ на это, съ горстью конниковъ бросился въ средину войскъ Польскихъ, раненъ, взятъ въ плѣнъ, — и только это спасло Хмельницкому жизнь.

28 Сентября Хмельницкій явился къ Потоцкому, со слезами просилъ у него прощенія — вотъ до чего унизило его честелюбіе, и присягнулъ хранить миръ, по которому число реестровыхъ Козаковъ уменьшено до 20,000 съ дозволеніемъ жить въ одномъ Воеводствѣ Кіевскомъ; всѣ сношенія его съ Татарами должны быть прекращены; Уніаты и Жида остались въ Украинѣ на прежнихъ правахъ, и Хмельницкій, отрекаясь отъ всякихъ сношеній съ какими бы то ни было державами, долженъ быть покорнымъ во всемъ волѣ короннаго Гетмана.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

ХІІІ.

Болѣе 150,000 юныхъ, отважныхъ сыновъ православія легло на поляхъ битвъ въ два года, и Украина вновь страдала подъ ярмомъ деспотовъ, какъ страдала послѣ Полтора-Кожуха, изнеможенная, ограбленная, разоренная, усѣянная могилами и пожарищами; и Жидь звучалъ снова своими злотыми у вратъ храма православнаго, а бродникъ Ляхъ своей саблей надъ головою нищаго селянина и безоружнаго Козака. Если-бъ по крайней мѣрѣ Украина терпѣла и повиновалась вся за одно, горюя однимъ горемъ, молясь одной молитвой, одушевляясь одной надеждой, какъ бѣдовала одной бѣдой; но и того не было: пламя межусо-

бѣи разливалось по всюду. Такъ встрѣтила Украина 1652 годъ. А Хмельницкій? Ужели онъ молча, равнодушно взиралъ на бѣды отчизны, на зарево раздоровъ?

По смерти Потоцкаго, не многимъ пережившаго свою Бѣлоцерковскую славу, Хмельницкій въ память ему правилъ тризду казню Козаковъ, возмутившихся на Ляховъ, и шировалъ съ Лягами будто съ друзьями своего сердца. Таковъ-же былъ онъ и съ Султаномъ, и съ Ханомъ, и съ Королемъ Шведскимъ, и съ Царемъ Русскимъ. Всѣхъ ихъ ласкалъ онъ обѣтами, дарами; обѣтами и дарами ласкалъ онъ и старшинъ войсковыхъ. И хитрость Хмельницкаго не осталась безъ успѣха. Султанъ обѣщаль ему помощь; Король Польскій слалъ ласковыя грамоты; Царь Московскій позволилъ жителямъ Заднѣпровской Украины переселиться въ южныя земли Бѣлогородскаго вѣдомства; даже заговоръ, третій заговоръ Мартына Сулимы, окончился для Хмельницкаго счастливо.

Сильный любовью народной этот мятежник, успевъ освободиться отъ плѣну Польскаго, вздумалъ въ третій разъ попытаться на жизнь Хмельницкаго, и на вольной Радѣ осудивъ его на смерть предложилъ избрать Гетманомъ сына его Тимоея. Пылкій, отважный Тимоеей казался Сулимъ юношей доврчивымъ, неопытнымъ, слишкомъ честолюбивымъ, — юношей, который, если не отъ недостатка любви къ отцу то отъ страсти властвовать вдастся легко въ сѣти, для него приготовляемыя. Впрочемъ Рада положила скрывать отъ Тимоея тайну заговора и объявить ему, что избираеть его Гетманомъ только на время, для окончанія войны съ Ляхами, на которую отцу его не лзя будто рѣшиться, ибо онъ обязанъ миромъ Бѣлоцерковскимъ. Имѣя уже 10,000 всадниковъ подъ своимъ знаменемъ Сулима послалъ къ Тимоеею депутацію и съ нею просьбу и присягу отъ имени всего войска. Оба акта красиво написанные на пергаминаѣ, изукрашенномъ гер-

бами полковъ, были вложены въ ящикъ наполненный серебромъ и золотомъ. Тимошей ласково принялъ Депутатовъ, съ радостью по видимому услышалъ содержаніе актовъ, поцѣловалъ ихъ, и взявъ за руку старшаго Депутата Антона Семеновира (Рубана) сказалъ ему: — Не забуду Мартына, какъ не забуду и онъ меня. — Тимошей написалъ къ Сулимѣ письмо, въ которомъ просилъ его къ себѣ на свиданіе для окончательныхъ переговоровъ о дѣлѣ, прибавивъ, что нелучше-ли предварительно увѣдомить Гетмана о ихъ выборѣ, дабы онъ не имѣлъ никакого подозрѣнія на сына въ злоумышленіи противъ него, хотя впрочемъ безъ сомнѣнія онъ согласится на ихъ желаніе. Сулима пріѣхалъ, обласкавъ Тимошеемъ; но на другой день безъ лѣваго уха и правой руки отосланъ къ Хмельницкому вмѣстѣ съ актами. — Я не виноватъ предъ тобою; — сказалъ Богданъ Сулимѣ, когда его ввели къ нему окровавленнаго, окочаннаго, но все еще грознаго, самонадѣ-

явнаго. Сулима гордо взглянулъ на Гетмана, и вымолвилъ: — кончай! — Его казнили.

Этотъ случай совершенно измѣнилъ обстоятельства. Тимоеѣй, воспользовавшись присягой, заставилъ Сулимовцевъ повторить ее на вѣрность своему отцу, и съ ихъ помощію, привелъ къ повиновенію всѣхъ другихъ мятежниковъ.

Хмельницкій могъ вздохнуть покойнѣе. Онъ опять былъ мирный Гетманъ войска, если не приверженнаго къ нему, то по крайней мѣрѣ покорнаго. Надобно было только поддержать искусно эту покорность.

Случай былъ, — Хмельницкій поспѣшилъ имъ воспользоваться.

XIV.

Господарь Молдавскій, услышавъ о Берестечкомъ сраженіи и Бѣлоцерковскомъ мирѣ, отказался отъ своего соглашенія на бракъ своей дочери съ Тимоеѣемъ,

и посланнымъ его отвѣчалъ, что дочери Князя не пригодно быть женою сына мятежника. Съ согласія Султана Хмельницкій далъ знать Господарю, что если доброе слово не йметъ его, то 100,000 брачныхъ гостей готовы посѣтить Молдавію. Угрозы не произвели желаемого дѣйствія. Хотя и самыя Молдаване требовали отъ Господаря согласиться на бракъ, какъ на средство спасти Молдавію отъ разоренія, и даже стращали его выдать Козакамъ, но Василій Лупула остался непреклоненъ, прибѣгнувъ къ помощи Поляковъ, — и Калиновскій съ 10,000 войска явился на Бугъ у Батога.

Остерегаясь еще нарушить миръ съ Поляками, Хмельницкій писалъ къ Калиновскому, что-бы онъ не почиталъ его виновнымъ, если свадебные гости, идущіе съ его сыномъ въ Молдавію, нанесутъ ему неудовольствіе, что онъ вовсе не желаетъ прекратить миръ съ Республикою ни нарушать Бѣлоцерковскихъ условій; но не можешь запретить сыну отыски-

вать законное право. Калиновскій пренебрегъ совѣтомъ Хмельницкаго оставить равнину, имъ занимаемую, и въ три дня, а, по другимъ въ три часа погибъ со всѣмъ своимъ войскомъ. Сынъ его Самуиль, бѣжавшій съ немногими воинами былъ настигнутъ Козаками въ Бубновкѣ, и палъ подъ ихъ ударами.

Татары устремились въ Польшу, угрожая гибелью самой Варшавѣ; межъ тѣмъ какъ народъ Украинскій, счастливый удачнымъ началомъ похода Козаковъ началъ вымѣщать свою месть на Шляхтичахъ и Жидахъ, а Хмельницкій выступилъ къ Каменцу съ сильнымъ войскомъ, выжидая конца бракосочетанія Тимоѳея съ дочерью Лупулы. Онъ ждалъ недолго. Гости брачные шли не напрасно: Лупула ласково встрѣтилъ Тимоѳея, и великолѣпно отпраздновалъ свадьбу.

XV.

Успѣвши въ одномъ, Хмельницкій началъ думать и о другомъ — о Польшѣ,

о рѣшительномъ отторженіи Украины отъ ея власти. Обстоятельства благоприятствовали.

Возвратясь въ Чигринъ, Хмельницкій послалъ къ Королю Пословъ, что-бы оправдать своего сына, который, по его словамъ, вступилъ противъ воли въ сраженіе съ Калиновскимъ, лишившимъ его земли, воды и травы, чего и самъ Богъ не отнимаетъ ни у злыхъ ни у добрыхъ, — впрочемъ, — прибавлялъ Хмельницкій, — если Козаки съ Тимошемъ какъ веселые люди, простерли слишкомъ далеко свою оборону, то да проститъ ихъ Ваше пресвѣтлое Королевское Величество. — Это посольство возвратилось безъ отвѣта. Хмельницкій выслалъ новое, прося у Короля Комиссаровъ для подтвержденія мира. Комиссары скоро явились, и явились съ требованіями, которыхъ только и ждалъ Хмельницкій. Комиссары именемъ Короля требовали, что-бы Хмельницкій, желая получить милость и прощеніе, отказался отъ всякой связи съ Татарами, и

даль-бы въ этомъ заложникомъ сына своего Тимоея. Хмельницкій вынулъ свою саблю изъ ноженъ, и отвѣчалъ Комиссарамъ: — Сынъ мой не рабъ Короля, ни мы Козаки не рабы Короля. Вы Ляхи ищете погубить меня, — и я не могу отступить отъ Татаръ. Если вы хотите помѣряться съ нами въ полѣ, выходите; и если мало для васъ Бѣлоѣ церкви, вспомните о Зборовѣ. Еще Богъ насъ не покинулъ. —

Этотъ отвѣтъ, сказанный въ присутствіи всей Рады, возвратилъ вполне ея расположеніе къ Хмельницкому. Объявлено посполитое рушенъе. Не смотря на нѣсколько бунтовъ и мятежническія воззванія Гладкаго и Гуляницкаго, оно было объявлено не напрасно.

Весною 1653 года военныя дѣйствія начались. Стефанъ Чарнецкій съ 15,000 войска вторгнулся въ Украину, взялъ и предалъ огню и мечу Лиццы, Липовець, Погребище и нѣкоторыя другія мѣстечки. Хмельницкій выслалъ противъ него

храбраго Богуна, который сошедши съ нимъ у Монастырища, сразилъ его и обратилъ въ бѣгство.

Не такъ счастливы были дѣйствія Козаковъ въ Молдавіи. Стафанъ Бурдуцъ Великій Логофетъ, подкрѣпляемый Воеводою Волошскимъ, Рагоціемъ и Поляками, взбунтовалъ большую часть Молдавіи, объявилъ себя Господаремъ, и изгналъ Василія Лупулу. Василій прибѣгнулъ къ помощи зятя своего Тимоея Хмельничка. 8000 Козаковъ вошли въ Молдавію, и Василій возвратилъ себѣ Господарство. Однако не на долго. Соединенныя полчища Волоховъ, Трансилванъ, Поляковъ и Молдаванъ восторжествовали надъ Козаками. Василій бѣжалъ въ Чигринъ а оттуда въ Крымъ нанимать у Хана войско; и Тимоея заперся въ Сутчавѣ. Отчаянно защищались Козаки, но потерявъ своего вождя, убитаго ядромъ, они принуждены были здать крѣпость, послѣ трехмѣсячной обороны, съ тѣмъ, что-бы имъ позволили свободно возвра-

титься на родину съ трупомъ Тимошея. Василій уже спѣшилъ къ нимъ на помощь съ Татарами и Козаками, но было уже поздно. Онъ не возвратилъ себѣ Господарства, а его наемники разорили пограничныя Молдавскія земли и возвратились домой съ богатою добычей.

Хмельницкій, еще не зная о дѣлахъ Молдавіи, послалъ Пословъ къ Царю Московскому. 1653 года 22 Апрѣля эти Послы (Кондратій Бырляй и Силуянь Мужилевскій) явились въ Москвѣ, и снова просили Царя принять войско Запорожское подъ свою высокую руку, объявля Боярамъ, что, испытавъ неправды отъ Поляковъ, Козаки не хотятъ съ ними мира, не хотятъ быть и рабами Султана Агарянина, хотятъ быть подданными Царя православнаго, да щитить онъ ихъ отъ Католиковъ, и держить въ крѣпости своей ихъ давнія права и вольности. — Въ послѣдній разъ — прибавилъ Бырляй Боярамъ — въ послѣдній разъ идемъ съ преклоненною головою подъ милостивую

десницу Вашего Царя. Доселѣ мы хранили съ вами праведный миръ, не жалѣли своей крови, защищая землю вашу отъ нападенія Татаръ, были вѣрными воля Царя и своей молитвѣ, да приметъ насъ въ свою власть; но если и теперь будетъ отказъ, — то Рада будетъ думать иное. —

Царь наконецъ рѣшился принять участіе въ дѣлѣ Козацкомъ, и немедленно послалъ къ Польскому Королю въ Львовъ великолѣпное посольство. 20 Іюля Послы явились къ Іоанну Казимиру, и 7 Августа выѣхали безъ всякаго успѣха. На другой день Король выступилъ въ походъ на Козаковъ, разославъ предъ симъ универсалы по всей Украинѣ, которыми уведомлялъ народъ, что онъ отправляется обзрѣвать свои владѣнія, и совѣтовалъ Козакамъ и мѣщанамъ быть въ покоѣ и надѣяться на него, если межъ ними возникнетъ междоусобіе.

Это воззваніе не только осталось безъ успѣха, но еще болѣе заставило

Козаковъ вооружаться. Хмельницкій съ 70,000 выступилъ противъ Короля, соединился за Бугомъ съ Ханомъ, и расположилъ свои войска по лѣвому берегу Днѣстра отъ Смотрича до Жванчика.

Подъ Жванцемъ завязалось дѣло. Малочисленное войско Короля, состоявшее только изъ 15,000, было совершенно разбито, ударилось въ побѣгъ, и Королю приходилась такая-же бѣда, какъ подъ Зборовымъ. Окруживъ его у Жванчика, Хмельницкій послалъ къ нему Пословъ, требуя мира. Король принужденъ былъ согласиться на переговоры, и въ то-же время началъ сношенія съ Ханомъ. Крамолы и золото сдѣлали свое. Ханъ предался на сторону Ляховъ, заключивъ съ ними договоръ, по которому обязался помогать Королю въ случаѣ войны съ Царемъ Московскимъ, а Король возвратить во власть Татаръ Царство Астраханское.

Хмельницкій отступилъ, но ему уже не нужна была помощь Хана.

XVI.

По возвращеніи Пословъ изъ Лемберга, Царь собралъ въ Грановитой Палатѣ совѣтъ изъ всѣхъ Духовныхъ и свѣтскихъ властей. Этотъ соборъ положилъ уважить просьбу Козаковъ, — и ближній Бояринъ Василій Васильевичъ Бутурлинъ, Окольничій Алферьевъ и Думный Дьякъ Лопухинъ съ большою свитою 3 Октября отправились въ Украину.

1 Января 1654 года это посольство встрѣченное Полковникомъ Павломъ Тетерею, въѣхало въ Переяславль; 6 явился туда Хмельницкій; 8 онъ собралъ народную Раду, и предложилъ Козакамъ поддаться подъ высокую Руку Царя Православнаго. — Кромѣ Его Царскія Высокія Руки благотворишѣйшаго пристанища мы не найдемъ; а буде кто съ нами не согласуетъ теперь, тотъ куды хочетъ — вольная дорога. —

— Волимъ! — воскликнули Козаки. —
Волимъ подъ Царя Православнаго! —

На другой день народъ далъ при-
сягу.

Изъ Переяславля Послы поѣхали въ
другіе города Украины; а Хмельницкій
озвалъ тайную Раду объ условіяхъ под-
данства, и 17 Февраля послалъ къ Царю
Алексію Михайловичу отъ себя и вой-
ска Полковника Тетерю и Генеральнаго
Судью Богдановича, съ Грамотою, прося
въ ней подтвержденія привилегій, дан-
ныхъ Королями и Князьями на вольности
Козаковъ общенародныя и церковныя, и
оказанія новыхъ милостей, обѣщая вѣчно
Его Величеству по вѣрѣ служить и кро-
ви своей не щадить. . . .

Козаки, которыхъ оставилъ Хмель-
ницкій у Днѣстра, разоривъ Студеницу,
Яругу и Сороку, и обративъ въ пепель
предмѣстіе Каменца, разсѣялись по По-
долью, грабили и жгли за одно съ Тата-
рами, забывшими про свой договоръ съ
Королемъ; но, узнавъ о дѣлѣ Переяслав-
скомъ, поспѣшили домой, и подъ началь-
ствомъ Атамана Поликарпа Тухи высту-

пили на Хмельницкаго, требуя отъ него
разрыва съ Царемъ. Туха утонуль. Его
сообщники присягнули Царю.

Миръ возстановился въ Украинѣ, и
она подъ именемъ *Малой Россіи* сдѣ-
лалась областью Царства Русскаго.

„Тлужчились сердца людей, и стра-
ны спустошались, и по отрункахъ гра-
довъ зросли могилы; и по отрункахъ
благъ выквилъ новый квітъ блага знову.“—

Л Ъ Т О Ц И С Ъ.

1645 - 1657

И егда тако ста за Царемъ Русскимъ Алексѣемъ Михайловичемъ таѣ Украина Малаѣ Россія, той Король Лядскій Янъ Казимѣръ горко плакавшѣ, жалбно Богови молился, же ему отовсюду недоля идетъ: отъ полудня Ханъ, отъ полуночи Король Швецкій, а отъ всхода Царь и Гетманъ. Обаче Королю на душу пришло ще разъ по Украинѣ долю спытаты; и разосла унѣверсалы, посольство и козачество заповня быти до нихъ щедрымъ и милостивымъ, вольности и привилей дать, а бы они ему въ вѣрѣ служили, отъ Царя Московскаго отступили. Токмо никто листовъ его тѣхъ у-

нѣверсалныхъ не посылши, а до Царя Московскаго въ вѣрѣ пребыли. Токмо и послушалъ одинъ Полковникъ Богунъ, да и сей егда до него отъ Короля Комиссаровъ до уговору прислано и съ золотомъ и съ булавою, отвергъ тую Унью съ Польщею, а Царю Московскому присягль. То Король сталь оббираться, а Царь себѣ. И война зарѣзалась.

Первое дѣло въ Литвѣ зашло, идеже Хованскій Князь, да Серебрянный Князь войскомъ Московскимъ ластовали; а Бутурлинъ съ Гетманомъ въ Малой Россіи, да Шереметь; а самъ Царь до Смоленска потягнулся. Того осада девять недѣль длилась, и Царь городъ взялъ, и бывшаго въ осадѣ при Царѣ Козацкаго Полковника Золотаренка Василія обдарилъ да обласкалъ; а другій Золотаренко храбрый весьма и Ляхамъ мстивый самъ по себѣ съ Литвою зѣло бился. Опослѣжды вся тая Литва за Москвою стала, токмо та бѣда сталась, же храброго Полковника Ивана зѣ мушкета ранено и

убито. Его-же тѣло мертвое до Корсуня привезено, и егда въ церкву, имъ-же Золотаренкомъ построенную, привезено, то съ черницами, иконами и народомъ и тѣломъ мертвымъ спалено церкву его. А убито Ивана и церковь запалилъ Органистъ Хома и вольно сознался. Убито-жь Ивана въ городъ въ старомъ Быховѣ.

Тимъ часомъ егда Царь на Короля Яна нападалъ Украину мстячи, и Король Швецкій въ Польшѣ бѣдовалъ, Генерала Виттемберха на Позень насымалъ. И Король Янъ Хана Исламъ Гирая просилъ, деньгами его купить хотяще, токмо той Исламъ въ Бакчисараѣ въ Крыму сидѣлъ, а Татарове Польшу грабили. Егда-же Ханъ Исламъ Гирай помре, невольницею Русскою отруенъ будучи, яко-бы по наговору Хмельницкаго, а Мугамедъ Гирай на Ханскій столъ опосля сѣлъ, то и его Король окупать сталъ, во 100,000 злотыхъ Польскихъ кованыхъ окупилъ.

Тогда-же Ханъ Крымскій Мугамедъ Гирай орды подъ Каменецъ поведше съ

Лядскою арміею съ Корошнымъ Гетманомъ Станиславомъ Потоцкимъ ополчился, и подъ Бѣлую церковь двигнулъ; а подъ тою-же Бѣлою церковью Хмельницкій да изъ Бутурлиномъ стоялъ изъ Москвою; и егда про тое провѣдалъ, Гетмана наказного Антона Томиленка послалъ. А Ханцы Ординцы да Лядское войство подъ Умань пошли; а съ Томиленкомъ стрѣтяться, при немъ-же Полковники Зеленскій да Богунъ да Гоголь были, на голову Козаковъ побили, и Козаки къ Умани уступили, а егда Татарове и Ляхи Умань остушили, то Хана самага на жизній нѣкій Козакъ посягнулъ, до его пришелъ, яко-бы тайну повѣдать; а колоть хотяще да отняли, а его самого повѣсили; а Татарове и Ляхи безопасно Умань остушили. Оступивше Умань, чрезъ три дни штурмами и Гарматами и всякими нападеніями доставали, обаче достать не могли, и прото-же Хмельницкій къ Умани идетъ, отъ Умани отошли, яко-бы на стрѣчу ему; а съ Хмельницкимъ Шереметь да Ромодановскій

Князи были. И егда съча зарѣзалась, межъ Ставищами и Охматовымъ, то Москва и Козаки первѣе до Дрижишоля оступили, а послѣжды егда порядкомъ станомъ стали, Ляховъ и Татаръ три дни отражали съ боемъ отважно. Первѣе Татары въ обозъ было уже увалились, обаче Козаки Ляховъ и Татаръ оглоблями изъ саней такъ поразили, что мерзлымъ ихъ трупомъ аки валомъ обозъ окидали; токмо Козаки въ великой тѣснотѣ безъ воды, дровъ и пищи такожде были; и въ той день болѣе 15,000 отъ Ляховъ и Татаръ пало. А на другій день битва до ночи была, и Козаковъ съ полторы тысячи пало, а Татаръ и Ляховъ вдесятеро; уже и Лядкой пѣхоты мало что осталось. Въ третій же день Хмельницкій обозъ устроивше, проломомъ на Ляховъ ударилъ, зъ обсады тако вышелъ, и Хана въ побѣгъ обратилъ, а Поляки сами бѣжали; а Хмельницкій собравъ съ Томиленкомъ да съ Полковниками, что были въ Умани, и съ Охматова и съ Букъ

иныхъ Козаковъ, супротивъ Ляховъ выдти хотяще, вѣсть провѣдалъ же ни Ляховъ ни Орды нѣту, бо далече въ побѣгъ была, да и поворотилъ до Бѣлой Церкви. А тое было зимою въ началѣ року Господня 1655; а на Маккавей року 1654 еще было затмѣнiе солнца такое, же день по темнотѣ былъ яко ночь. И въ томъ-же року егда Гетманъ еще подъ Хвастовымъ съ Бутурлиновомъ стоялъ, Козакамъ милость прислалъ жалованье, копейками золотыми въ четверть червонца, да кому мѣдными одной цѣны съ серебряными, да и таляри битые съ печатью Царскою.

А на восень Хмельницкiй воротился на Ляховъ, подъ Слолимомъ Ляховъ а съ ними бывшего Польскаго Коронного Гетмана Станислава Потоцкаго разбилъ, и его и другихъ Ляховъ въ плѣнъ побралъ; а въ тое время Хана тутъ не было; и послѣ Хмельницкiй зимою къ Каменцу пошелъ, хотя его добыти. Не мало двѣ недѣли прошло, какъ Каменцу

бѣда доходила. Егдабъ не измѣна Козака, золотыми окупленнаго, тобъ Каменецъ за Хмельницкимъ былъ.

А послѣ Хмельницкій ко Львову наступилъ, и семь седмиць въ осадѣ держалъ. И тымъ часомъ Данилка Выговского до Люблина посылалъ, идеже и Москва и Козаки великіи скарбы набрали, и кусокъ Животворящаго креста Господня достали, и Гродню опановали, и земли многіи спустошили. Токмо Львовъ, егда бѣда нашла и выслано договорщиковъ, откупился; а Хмельницкій подъ Замостье пошелъ, яко тое и въ 1648 року сталося. Тамо четыре седмицы осадила: обаче и Замостье окупилось; а Козаки въ Польщѣ богатіи добычи взяли, за Вислою рѣкою даже корысти набравше и земли спустошивши, и домой повернули. Царь-же въ той часъ Вильну взялъ, а Король Швецкій Краковомъ заобладаль; и Королю Яну бѣда приходилась, въ Шленскъ въ Глогаву убѣгль и тамо Богови молился. Хмельницкій же

подъ Варшаву ити гадалъ, да вѣсть про-
вѣдалъ, же Татары въ Украинѣ бѣдуютъ,
отошелъ.

Егда-же осенью 1655 року Хмель-
ницкій съ Москвою до дому приверталъ,
то на Озерной съ Ханомъ стрѣтивсь. И
битва жестокая ақи подъ Охматовымъ
прилучилась. И Татаръ Козаки на голо-
ву побили; а Ханъ Козаковъ на разго-
воръ съ собою просилъ. И Хмельницкій
деколько Солтановъ и Мурзъ въ залогъ
вземше самъ съ немногими старшинами
до Хана пришелъ. Ханъ же сидящій на
земли его стрѣтилъ, и Хмельницкій ему
тутъ же привѣты поклавъ, и рондъ бога-
тый подарилъ. Обаче Ханъ рондъ взем-
ши оземъ бросилъ и сталъ Хмельника-
го корить, и ворчалъ для чего-де ты подъ
Царя пошелъ, и ему присягу учинилъ, а
прежъ того себѣ все отъ Хана и Татаръ
помочь опевнялъ. На что ему Хмельниц-
кій такъ промовлялъ: за тобою де Ха-
номъ зрада и бѣда, а за Царемъ правда,
и Царю вольно служить, же онъ и вѣру

Православную щитить, и помочь на всякое правое дѣло даетъ. А Исламъ Гирай нетакъ: и егда подь Берестечкомъ стали, на великій уронъ и шкodu Козаковъ оставивъ, бѣжалъ; а послѣжды той-же Ханъ на мене съ Королемъ уговоръ учинилъ, и Московское Государство воевать и Астрахани и иныхъ земель доставать. Тако-жъ Татары на войнѣ мимо мене Гетмана передомъ на миръ Ляховъ имали, и тѣмъ Козаковъ Ляхамъ въ ненависть подали, и претили на добрыхъ кондиціяхъ миръ съ ними уговорить; да подводили Козаковъ подь Зборовомъ, чтобъ самого Короля взяли и Татарамъ отдали, чего мы и на мысли не имѣли, токмо Шляхту отъ озлобленія Малоросійскаго народа воротить и гордость ихъ смирить, а себѣ древній вольности достать; и Козаки сами за помощію Бога низъ Татарскою побѣдителями были, понеже Татаръ первѣе токмо 4000, альбо 6000 было, и тѣ всѣ одеждой и ясыромъ въ ту войну зѣло обогатились, и Козаки

Татарамъ волили на килканаддять миль
межъ Днѣпромъ и Молочною водою мѣ-
сто для Кочевій имѣти, такожь и Асламъ
городокъ состроить, обаче Татаре не
токмо тамъ, но и на морѣ и Днѣпрѣ гдѣ
и ногою неволью было имъ ступать бе-
зопасно проѣзжаютъ. И егда Ханъ Ис-
ламъ Гиравъ увидѣлъ Татаръ домою съ-
добычми многими ворочающихся, то и
самъ позавидѣвши того, до Хмельницко-
го пришелъ въ помощь не прошенъ ток-
мо желая Христіанъ воюющихъ на ко-
рысти себѣ имать. — Тогда Ханъ Гет-
ману страцалъ, вспоминая Батыевы силы,
не токмо Русскій и Польскій, но и Вен-
герскій, Моравскій и Нѣмецкій земли
поволавшаго. А Хмельницкій ему на то
отказалъ, же тѣ Татары не сїи Татары,
и иныхъ уже нѣтъ, а иные данники
Царя, а иныхъ Козаки бить въ волѣ и
въ силѣ. — И по такой множайшей бе-
сѣдѣ, Ханъ огнѣвался, и Хмельницкому
отказалъ, же узнаеть како презирать си-

лу Татарскую; и Хмельницкаго отпустилъ, а своихъ Мурзъ отобралъ.

И Ханъ пошелъ, и Хмельницкїй своимъ шляхомъ; и Московскаго войска много отъ морозу вымерло, а и самъ Бутурлинъ до Кіева дошедь Богу душу отдалъ.

И тогда Хмельницкїй до Чигрина воротивсь, и до Царя писалъ, благодариль, же онъ помогъ ему Гетману сподѣига Лядскаго Украину свободити, и обѣщавалъ, ежели время часъ дасть, свободитъ и подъ Его Высокую Руку Польсье, Покуть и Волинь покорити, и умолялъ Царя Малую Россію при старыхъ вольностяхъ въ непремѣнной милости оставить.

И опослѣжды егда Царь съ Ляхомъ во ничто приведеннымъ помирился съ помощью Легата Папежскаго Алгаретта, на томъ же бы не починалъ войны до уговора мира настоящаго, а завоеванными

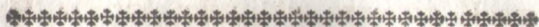
мѣстами владѣль, то Хмельницкій до Короля Польского писалъ, жебы Комиссаровъ ему для границы положенія прислалъ, то въ началѣ 1657 Комиссары наслали, и границу положили быти ненарушимо завсегда:

— Смотри на полночь отъ Днѣстра до вершины Горыни, а отъ вершины Горыни до Припети, и чрезъ Припеть до Быхова, чрезъ Днѣпръ по надъ Сожемъ ажъ до Уѣзду Смоленского педъ Рославлемъ; и паки смотря на полдень къ Черному морю отъ устья Днѣпра на Очаковъ до Лиману, дабы Малороссійскимъ купцамъ Днѣпромъ и Днѣстромъ свободный былъ проѣздъ въ море; а оттолъ смотря по Западу по Богу до Кодыми и до Днѣстра и Днѣстромъ чрезъ Могилевъ до Подоля, а отсолъ прямымъ дуктомъ землею паки до вершины Горыни и Днѣпра. —

Тако свободился народъ Русскій зподъ ига Лядского Египетского.

И того-жь 1657 року Августа 15
дня Хмельницкїй помре. Свидѣтельству-
ють, же по злобноѣ враждѣ Поляки
Хмельницкого желая умертвить подосла-
ли якогось велькородного и знатного
Шляхтича якобы дочь его пошлюбить, и
сей притворно ее заручивше, по отъздѣ
Хмельницкого опроважающого отруилъ.

ПРИПИСКИ КЪ ЛѢТОПИСИ.

1.

*О состояніи народа Украинскаго
до 1648.*

— Крестьяне — говорятъ Бопланъ —
находятся въ самомъ жалкомъ состояніи:
они принуждены три дня въ недѣлю хо-
дить на барщину, и за землю, смотря по
величинѣ участка, давать Господину нѣ-
сколько четвериковъ хлѣба, нѣсколько
паръ каплуновъ, куръ, цыплятъ и гусей.
Оброкъ сей собирается около Пасхи,
Духова дня и Рождества. Сверхъ того,
они возятъ дрова на Господскій дворъ и
исполняютъ тысячи другихъ изнуритель-
ныхъ и несправедливыхъ требованій, не
говоря уже о денежномъ оброкѣ, о де-

сѣтнѣ съ овецъ, свиней, меду и со всѣхъ
плодовъ; по прошествіи же трехлѣтія,
они отдають третьяго вола. Однимъ сло-
вомъ все, что только ни понравится Го-
сподамъ ихъ, крестьяне принуждены у-
ступить; а потому и неудивительно, если
сїи несчастные не имѣють у себя, какъ
говорится, ни кола, ни двора. Но это еще
не все: Помѣщики, отнимая имѣніе у
крестьянъ, располагають произвольно и
жизнію ихъ. Такъ неограничены вольно-
сти Польскаго Дворянства! Оно блажен-
ствуетъ будто въ раю, а крестьяне му-
чатся какъ въ чистилищѣ. Если-же судь-
ба пошлетъ имъ злаго Господина, то у-
часть ихъ тягостнѣе галерной неволи. —

Это подтверждаетъ и Каховскій Ап-
nal. Pol. Сіамст. 1.

Не столько сами владѣльцы притѣ-
сняли въ то время крестьянъ, сколько
ихъ прикащики, арендаторы и старосты.

— Вельможи Польскіе, — говоритъ
одинъ Лѣтописецъ — находясь въ отда-
леніи отъ своихъ помѣстій, не обращали

вниманія на бѣдствія народа. Ослѣплен-
ные подарками старость и арандаторовъ
Жидовъ, они могли дойти до того, что
ихъ мазали по кожѣ собственнымъ жи-
ромъ, дарили отнятымъ у ихъ собствен-
ныхъ рабовъ. — И. М. Р. 1,220.

Срав. Лубенскаго, *Ergata Julii Belli*.
226.

— И пусти нивы были, и пусти сел-
бищи. Во области Іуды сталъ Господень
храмъ. Іуда продавалъ причастіе Духа
Святаго, Іуда продавалъ крестъ спасе-
нія. — *Стар. Лѣт.* съ 1500 по 1709.

— Въ 1640 Баядуръ Гирей выслалъ на
Украину около 100,000 Татаръ, и такъ
была велика ихъ надежда на успѣхъ, что
они взяли съ собою женъ и дѣтей, и цѣ-
лое лѣто оставались въ окрестностяхъ
Черкасъ, Умани и Винницы. Въ томъ
же году по Днѣпру выше къ Кіеву и по
сей сторонѣ за Переяславомъ броди-
ли толпы гайдамакъ Польскихъ, сняли
жатву, и скотъ увели въ Подоль. Наро-
ду нѣкуда было дѣваться: съ степей на-

ходили Крымскіе и Бѣлогородскіе и Бендерскіе Татары, и Лѣсняки Волоескіе, а съ Запада Ляхи. — *Шафонскій.*

— Народъ уходиль, кто куды зналь, и нигдѣ же ничесого не улучаль доброго. Поляки своего для зиску и прихоти были вельми всѣмъ тяжки, же заледвѣ кто но наказу пахаль, и ничесого не малъ добра — *Дзъвовичъ.*

— Польскіе Комиссары, опредѣлявшіеся вмѣсто Гетмановъ, несноснымъ образомъ разоряли Украину: опнимали у Козаковъ подъ предлогомъ содѣянныхъ ими преступленій лучшую ихъ добычу на охотѣ и рыбной ловлѣ; если-же и покупали оную, то по низкимъ цѣнамъ; разсылали ихъ съ письмами, заставляли чистить лошадей, смотрѣть за собаками, топить печи, сметать всякую нечистоту съ дворовъ; поставляли надъ ними Шляхтичей Полковниками. Сіи послѣдніе удерживали жалованье ихъ, назначенное Королемъ и Рѣчью посполитою по 30 злотыхъ въ годъ, принуждали бѣднаго Коза-

ба ходить въ Запорожье чрезъ дикія поля съ ястребомъ, орломъ или собакою; которыхъ посылали въ дворъ какому либо Пану, жившему въ отдаленномъ городѣ. Жиды не дозволяли имѣть Козакамъ для домашняго употребленія не только медъ, горѣлку, пиво но даже и брагу. Сыновья реестровыхъ Козаковъ обязаны были заниматься панщиной. *Лѣт. Истор. Общ. И. М. Р.* 1220.

Дѣти — жаловались современники — во младенчествѣ умираютъ безъ крещенія или очищенія отъ грѣховъ; совершенно возрасшіе живутъ внѣ законнаго брака, а что всего больше безъ исповѣди и причастія Св. тайнъ, лишаются временной и купно вѣчной жизни; мертвецы наши погребаются безъ подобающихъ Православной церкви обрядовъ. . . . Не довольно, что знаменитый народъ Русскій доведенъ до такой великой бѣды и толь тяжкого угнетенія, будучи Богъ въсть за что гонимъ, лишили насъ еще и свободы. — *Мал. Лѣт. Туманскаго.*

— Храмъ Святой Софїи и другіе въ Кіевѣ были опустошены; монастырь Выдубицкій ограбленъ Уніатами. Они зазладѣли церквями Новгород-Сѣверскаго, Стародуба, Козельска и пр. И. М. Р. 1. 220.

— Многіе храмы Православные были запечатаны; иныя обращены въ синагоги. Ризы иконъ и сосуды переливали въ манеты. — *Дзѣвовихъ.*

О ремесленникахъ и купцахъ Украинскихъ того времени говорить нѣчего: и ремесла и торговля были въ рукахъ Жидовъ. Козаки, кои занимались ими, были ограблены, и умерли. Одни только Кошевые Запорожцы могли безпрепятственно продолжать свою торговлю; но то была торговля особеннаго рода: гдѣ не шли къ нимъ и отъ нихъ блестящїе крутлевики, тамъ помогали блестящїя сабли. Изъ договора Хмельницкаго съ Султаномъ, 1649, видно что Запорожцы въ то время на корабляхъ и галерахъ вели

свою торговлю; слѣд. у Запорожцевъ были корабли и галеры.

Дворянство. — Русское Дворянство — говоритъ Бопланъ — походить на Польское, и повидимому стыдится исповѣдовать иную вѣру кромѣ Католической, которая ежедневно обѣтаетъ въ немъ новыхъ приверженцевъ, не смотря на то, что всѣ вельможи и Князья ведутъ свой родъ отъ Русскихъ. —

Это говоритъ и Шевалье (Hist. de la Guerre des Cos. 39).

Многіе изъ военачальниковъ Польскихъ, сражавшихся противъ Хмельницкаго были Украинцы.

Священники и монахи были въ ужасномъ положеніи: одни въ неволѣ у Жидовъ, другіе въ презрѣніи, — всѣ въ рубищахъ и питались подаяніемъ.

За мятежъ Барскій 1639, Жиды по волѣ старость вывели на площадь монаховъ, якобы зачинщиковъ мятежа, и публично наказали кіями. *Шафонскій.*

Кравчина Запорожская.

Трудно сказать слово правды объ устройствѣ и распорядкѣ войска Запорожскаго около 1648 года: вѣроятно, что оно не имѣло ни того ни другаго. Гоненія, претерпѣваемыя народомъ въ Украинѣ городской и полковой, заставляли его бѣжать въ Запорожье. Вотъ когда получила полную независимость и правильное устройство Кравчина Запорожская. Она отдѣлилась тогда совершенно отъ войска, и не завися отъ Комиссаровъ, посылаемыхъ Королемъ въ Полки, управлялась Кошевыми Атаманами и Кошевымъ судомъ, имѣя столицею Сѣчь Хортицкую. Раздоры Кравчины были причиною построения нѣсколькихъ новыхъ Сѣчей.

Главнѣйшія изъ нихъ въ послѣдніе годы царствованія Владислава IV были: Хортицкая, Тешльцкая и Никитицкая.

Вотъ что говорятъ Лѣтописи и преданія о *Сѣчи* этого времени: — то была крѣпость, обнесенная рвомъ и валомъ, котораго вершина вѣнчалась частоколомъ. Ея форма встарину была трехугольная и осмиугольная. Вокругъ Сѣчи расположены были шанцы, рогатки, западни, берлоги для стражи, маяки, могилы, служившія вмѣсто маяковъ, а иногда и шанцевъ. Козаки укрѣпляли свою Сѣчь пушками и всѣмъ чѣмъ могли, чѣмъ умѣли; и Миллеръ сказалъ не вовсе правду, что *dieses Volk seine Vertheidigung nicht so sehr in dergleichen aeusserlichen Hilfsmitteln, als in seinen eigenen Leibes und Gemüthskraeften setzt* (Nachr. von den Zaporog. Cosaken. 436). Во внутренности Сѣчи была церковь и башня изъ дикаго камня, служившая каланчею. Близъ башни выстроенъ былъ станокъ (домъ) Кошеваго, а неподалеку вокругъ него курени Чиновниковъ Кошеваго суда, Стражи и Рядный курень. Знамя Кошеваго выставлялось на башнѣ, когда онъ былъ въ Сѣчи,

и снималось, когда онъ оставлялъ ее. Каждая Сѣчь имѣла почти всегда своего особеннаго Кошеваго.

Хортицкая Сѣчь, на о. Хортицѣ ниже пороговъ. Лербергъ говоритъ, что она, будучи укрѣплена въ 1620 ненадолго осталась обитаемою, поелику де Бопланъ, бывший на о. Хортицѣ въ 1639 году, совѣтуетъ завести на немъ поселеніе, qui servirais de Sentinelle à l'encontre des Tartares. Едвали такъ. I. Бопланъ ни въ 1639, ни въ другое время не былъ на о. Хортицѣ, а говоритъ о немъ по рассказамъ. II. Совѣтъ Боплана завести поселеніе на о. Хортицѣ сказанъ на угадъ.... Можетъ быть, Бопланъ желалъ возвратиться въ Украину, и нарочно украшалъ свою книгу подобными совѣтами, не забывъ между прочимъ объявить и о количествѣ слободъ, построеннымъ въ Украинѣ будто бы имъ самимъ, и о томъ, что въ Украинѣ города и крѣпости основаны по его планамъ, что даже вся Украина заселена большею частию въ его

глазахъ. Говоря такъ, говорили ли они правду? Я думаю, нѣтъ. Бопланъ, вѣрно, хотѣлъ ими только обратить на себя вниманіе Короля. III. Вывода Лерберга ничто не подтверждаетъ кромѣ словъ Боплана. Гораздо вѣроятнѣе, что Запорожцы имѣли жилища на о. Хортицѣ и прежде и послѣ Боплана, а если оставляли то на короткое время.

Тешлыцкая Сѣчь. Время ея основанія мнѣ неизвѣстно. По словамъ Симоновскаго, вольные Гайдомаки составя изъ себя особенную дружину выбрали Адама Тешлыка Атаманомъ и, удалившись за р. Саксагань, построили Тешлыкъ; но когда, но гдѣ именно? Есть р. Тащлыкъ впадающая въ Синюху. Есть протокъ Тыщлыкъ впадающій въ Днѣпръ ниже Хортицы. Въ пѣснѣ Тешлыкъ названъ Вольнымъ, а его жители вольными Коротайцами.

Никитинская Сѣчь — иначе Микитинъ Рогъ, Микитинъ перевозъ, Микитина застава — на правомъ берегу Днѣ-

пра противъ Каменнаго Затона, въ семи верстахъ выше Покровскаго, гдѣ нынѣ Никополь. По словамъ Шафонскаго, оно древнѣе Хортицкой. По сказанію Дзѣвовича, она построена во время возобновленія Койдака Федоромъ Линчаемъ, по имени коего и Козаки его назывались Линчаевцами. Во время войнъ Хмельницкаго съ Поляками, она два раза раззорена была Татарами.

Можетъ быть, въ это время были и еще нѣкоторыя Сѣчи; но о нихъ нѣтъ ни въ лѣтописяхъ ни въ преданіяхъ никакого помину.

Кромѣ Сѣчей, Запорожская Кравчина имѣла окопы. Одни изъ нихъ были постоянныя, небольшія крѣпости, обнесенныя валомъ и рвомъ: такія были по берегамъ Днѣпра до самаго Лимана, также на Бугѣ, и въ другихъ мѣстахъ. Другіе строились въ военное время, и только въ военное время снабжались гарнизо-нами: къ нимъ причислять должно и мо-

гилы, окруженные валомъ и ровомъ, гдѣ ставились пушки.

3.

Раданъ, Харкевичъ и Вронскій.

Въ то самое время, когда Хмельницкій билъ Поляковъ подъ Корсуномъ, въ Исторіи Руссовъ является нѣкто Генеральный Асауль Раданъ. Лице презанятельное. Повѣсть о немъ еще занимательнѣе.

— Раданъ оказалъ себя ревностью въ исполненіи плановъ Гетмана. Очистивъ отъ Поляковъ и Жидовъ Черниговъ съ окрестными мѣстами и Стародубъ, онъ двинулся съ своей ватагой къ Новгороду-Сѣверскому. Хорунжій сего повѣта, изъ Поляковъ, Харкевичъ, присоединился къ нему близъ Гремяча съ 100 Козаковъ и оповѣствовалъ ему, что въ замкѣ Сѣвер-

скомъ стоитъ тамошній Воевода Янъ
Вронскій. Занявъ безо всякаго сопроти-
вленія городъ, Раданъ подступилъ къ зам-
ку, въ наилучшемъ оборонительномъ по-
рядкѣ бывшему. Кромѣ пушекъ всюду
стоявшихъ, огромныя колоды висѣли надъ
скатомъ горы, коими осажденные защища-
лись. Тщетно Раданъ шелъ къ замку на
огонь, сей еще болѣе вредилъ. То Ра-
данъ воспользовался подземнымъ ходомъ
къ Деснѣ изъ замка ведущимъ, для снаб-
женія онаго водою. Открывъ ночью со-
общеніе съ онымъ и отрядивъ туда нѣ-
сколько отборныхъ Козаковъ, началъ онъ
производить фальшивый приступъ со сто-
роны воротъ замка. Непріятель, занятый
обороною, не помышлялъ о потаенномъ
ходѣ. Козаки вступаютъ въ замокъ и я-
вленіемъ своимъ наносятъ страхъ врагамъ
многочисленнымъ: пущенная ими ракета
еще болѣе увеличиваетъ мужество въ
нихъ товарищахъ. И сіи вламываются во
врата, и мстятъ смерть братій. Воевода
выходитъ съ отборной дружиной на баш-

но, просить пощады, обѣщавая открыть скарбницу и магазейны. Ему даруютъ жизнь. Вронскій сходитъ съ башни окруженный воинами Радава, и зреть Харневича близь церкви Соборной Воскресенской. Тогда не въ силахъ удержать гнѣва восклицаетъ: умри, предатель! стрѣляетъ въ него изъ небольшого пистолета, въ рукавъ платья спрятаннаго про запасъ. Козаки мстятъ за сѣе. Вронскій и прочіе плѣнники падаютъ. —

4.

Статьи, предложенныя Хмельницкому по смерти Владислава по средствомъ Адама Киселя были, какъ говорить Рудавскій:

1. Козаки должны освободить плѣнныхъ Польскихъ дворянъ.

2. Отступить отъ Татаръ и присягнуть на вѣрность Республикѣ.

3. Оставить Койдакъ по прежнему.
4. Выдать виновниковъ бунта.
5. Выдать Сенату письмо Короля къ Барабашу.

Gesch. der Ukr. 149. — Истр. Мал.
Рос. 1. 250-251.

5.

Переговоры съ Султаномъ 1649.

Вмѣстѣ съ другими Послами принималъ въ Переяславлѣ Хмельницкій и Пословъ Султана.

— Главнымъ изъ нихъ, полномочнымъ — говорить Конисскій — былъ Османъ-Ага. Онъ желалъ убѣдить Хмельницкаго вѣрнуться съ Украиной покровительству Султана, и его именемъ предложилъ ему сдѣлать Гетманство наследственнымъ. И вотъ что Хмельницкій отвѣчалъ Османъ-Агѣ: — не отказываюсь отъ союза и дружбы съ Императоромъ;

готовъ содержать съ нимъ миръ ; но не могу подступить подъ его покровительство безъ предварительнаго совѣщанія съ народомъ и общественнаго приговора. Потомственное же достоинство меня не льститъ : оно противно нравамъ и обычаямъ нашимъ, возстановленнымъ мною въ отчизнѣ съ пожертвованіемъ великаго числа воиновъ. —

Къ этому же времени относятся и торговый договоръ съ Султаномъ. Онъ помѣщенъ въ спискѣ на Польскомъ и Русскомъ языкахъ въ Собр. Госуд. Грам. III. 444-447. Вотъ его содержаніе :

I. Позволяетъ Султанъ Козацкому войску и народу ихъ свободное плаваніе на Черномъ и Бѣломъ морѣ ко всѣмъ портамъ и островамъ, и по всѣмъ рѣкамъ, ведя по волѣ торги.

II. Освобождаетъ Султанъ купцовъ войска Запорожскаго и народа его отъ пошрины, мыта и подати на 100 лѣтъ, если не на 100 то хотя на 50, или по крайности на 30.

III. Позволяетъ Султанъ имѣть имѣ въ городахъ и портахъ на Черномъ и Бѣломъ морѣ дома для складки товаровъ, жить и торговать безъ пошлыны на 100 лѣтъ.

IV. Намѣстникъ войска будетъ жить въ Стамбулѣ съ почтеніемъ и безопасно, обязываясь ходатайствовать о правосудіи обиженнымъ Козацкимъ купцамъ; а намѣстникъ Султана въ портовомъ городѣ своемъ, выдавая пашпорты Козакамъ для свободнаго проѣзда на галерахъ и корабляхъ куда захотятъ, взимая за пашпортъ не болѣе червонца, и въ его присутствіи начальникъ корабля учинитъ присягу, что Султану не измѣнитъ; намѣстникъ Султана обязанъ право сіе на Турецкомъ языкѣ каждому выдать съ подписью и печатью.

V. Для удержанія своевольныхъ людей отъ нападений на морѣ съ дозволенія Султана, войско заложитъ нѣсколько портовъ ниже пороговъ до устья Буга.

VI. Если бѣ Козакъ свободно на морѣ нападалъ, надѣ тѣмъ судъ чинить при намѣстникѣ Султанскомъ.

VII. Если бѣ съ Дону выѣхали для разбоя, то съ Турецкими галерами вмѣстѣ ловить и наказывать, помогая другъ другу, чтобы море всегда было свободно.

VIII. Если галера Козацкая въ чемъ нарушитъ право Султана, то начальника наказать, а сама свободна будетъ.

IX. Если галера или корабль Козацкій разобьется на берегѣ Султанскомъ, то спасенное наслѣдникамъ отдать.

X. Касательно долговъ купеческихъ право и судъ немедленный одинаково и Козакамъ и Туркамъ.

XI. Галеръ и кораблей Козацкихъ, ихъ людей, товаровъ и орудія Султанъ не употребить, обѣщая свободный входъ и выходъ по волѣ.

XII. Умреть купецъ въ землѣ Султана, на морѣ и сушѣ, имѣніе наслѣдникамъ принадлежить; и хотя бы что кому

отказалъ или записалъ при смерти, не-
дѣйствительно.

ХІІІ. Невольниковъ Христіанскихъ
у Турокъ и Турецкихъ у Христіанъ сво-
бодно выкупать; а если невольникъ Ту-
рецкій или Христіанскій на галеру бѣ-
жалъ, то его выдать. —

Иные считаютъ этотъ актъ неапо-
крифическимъ.

6.

Козаки въ Литвѣ, 1649.

Въ то время какъ Хмельницкій по-
ражалъ Поляковъ подъ Збаражемъ и Збо-
ровомъ, его товарищи терпѣли бѣды въ
Литвѣ. Хотя они въ числѣ 10,000 — какъ
говоритъ Энгель — подъ начальствомъ
Полковника Гладкаго и причинили тамъ
великія раззоренія въ 1648 году около
Висницы, Бреста и Кобрина, но встрѣ-
тили потомъ сильное сопротивленіе отъ

Полковниковъ Паца и Воловича, также Князя Януша Радзивила (Hist. de la guerre des Cos. 77. Cor. Pols. III. 821). Они были отражены отъ Слуцка Сосновскимъ, потеряли въ Чериковѣ 1500; поражены въ Быховѣ и Пинскѣ, который обращенъ въ пепель, а Полковникъ Максимъ Гладкій его защищавшій убитъ; разбиты Радзивиломъ въ Туровѣ, Городнѣ, Мозырѣ. Взявъ Мозырь, Радзивиль подступилъ къ Бобруйску, и требовалъ выдачи жителей тамошнихъ, помогавшихъ Украинцамъ; но они заперлись въ одной деревянной башнѣ и зажгли ее, предпочитая гибель плѣну. Зима прервала военныя дѣйствія. Весною отрядилъ Хмельницкій въ Литву Полковника Гловача съ 10,000. Онъ напалъ врасплохъ на часть Литовской арміи, зимовавшей въ Загань, близъ Мозыря, но обращенъ въ бѣгство Радзивиломъ, разбитъ и убитъ. Стефанъ Подобайло, получившій потомъ приказаніе отъ Хмельницкаго укрѣпиться со свѣжими войсками между Днѣпромъ и Сожью, со-

жегъ Лоевъ; Кричевскій съ новымъ войскомъ, соединясь съ Подобайломъ, былъ разбитъ Радзивиломъ у Речицы и Холмича, взятъ въ плѣнъ и умеръ. Вскорѣ 60,000 новаго войска Козацкаго вошло въ Литву, но Зборовскій миръ воротилъ ихъ домой (Bel. Scyt. Cosac. 80. 82. 84-85. Hist. de la guerre des Cos. 80). — Ист. Мал. Рос. I. 273-274.

7.

Граница Украины по Зборовскому миру.

Зборовская граница — сказано въ дѣлахъ Кол. Арх. 1660, N 2 — начи-нается знаками отъ р. Горыни и Острога; и такъ Острогъ, Заславль, Гуца суть границы отъ Волыни; Меджибожь, Студеница, Могилевъ, Ямполь, Рапковъ отъ Молдавіи; а упомянутые города лежатъ на Горыни и Бугѣ, Горынь впадаетъ въ

Припеть, а Припеть въ Днѣпръ и не занимають ни Каменецъ-Подольскаго, ни Воляня, ни Подоліи. — Ист. Мал. Рос. I. пр. 254.

3.

*Списокъ реестровыхъ Козаковъ
1650.*

Лѣт. Руб. говоритъ о реестрованіи Козаковъ 1650 года слѣдующее:

— Г. Хмельницкій, раздѣливъ Украину на 15 полковъ, поставилъ въ оныхъ Полковниковъ, списавъ самыхъ выборныхъ или реестровыхъ козаковъ:

<i>Полку</i>	<i>Полковники</i>	<i>Число:</i>
1. Чигринскаго	Федоръ Якубовскій	3139
2. Черкаскаго	Иванъ Воронченко	2989
3. Каневскаго	Семень Павицкій	3120
4. Корсунскаго	Лукьянъ Мозыра	3492
5. Уманскаго	Іосифъ Глухъ	3830
6. Брацлавскаго	Данило Нечай	2802
7. Калцицкаго	Иванъ Федоренко	6046

(128)

8. Кіевскаго	Аншонъ Адамовичъ	2080
9. Переяславскаго	Федоръ Лобода	2150
10. Кропивянскаго	Филипъ Джеджелей	2083
11. Острянскаго	Тимофей Носачъ	1988
12. Миргородскаго	Максимъ Гладкій	3188
13. Полшавскаго	Маршынъ Пушкарь	2873
14. Нѣжинскаго	Прокопъ Шуменко	9083
15. Черниговскаго	Маршынъ Небаба	9096

И всего 37,889.

Въ семь росписаній не видны полки Гадицкій, въ коемъ Полковникъ былъ Гурлай, и Бѣлоцерковскій, гдѣ Гира. —
— А войско охотное — прибавляютъ другія Лѣтописи — безъ числа. И при реестрованьи Козаки сильно бунтовались, такъ что Хмельницкій принужденъ былъ всякому волю дать на Козакванье, кто хотѣлъ.

9.

Переяславскій бунтъ 1651.

Лѣтописи не описываютъ его. Одинъ Симоновскій въ своей Козацкой Лѣтописи

ей рассказываетъ объ немъ, и то довольно сомнительно. Онъ говоритъ, что 20,000 Запорожцевъ Низовыхъ нахлынуло на Переяславль, и искало головы Гетмана. Хмельницкій принужденъ былъ долгое время скрываться. Въ Переяславль Запорожцы набрали еще разной сволочи до 5000 и пошли добывать Чигрина; но были отогнаны, и укрѣпились въ Переяславль. Двѣ недѣли Хмельницкій осаждалъ его, взялъ и всѣхъ бунтовщиковъ предалъ смерти. — Уже ли въ самомъ дѣлѣ Хмельницкій былъ такъ безчеловѣченъ? Симоновскій иногда любитъ подражать Коניсскому. Покрайней мѣрѣ, засвидѣтельствовать не только правду но и правдоподобіе словъ его въ семъ случаѣ ничѣмъ не можно. Даже у Конисскаго этотъ бунтъ не описанъ.

Слободскіе полки.

Земли, гдѣ теперь Слободская Украина, были въ половинѣ XVII вѣка почти необитаемы. Кое-гдѣ только среди непроходимыхъ лѣсовъ и болотъ возвышались городища Татарскія, а по берегамъ рѣчекъ пограничныя крѣпости Русскія, охранявшія Московское царство отъ нападений хищниковъ сосѣдей. Первое переселеніе Украинцевъ въ сіи земли было при Михаилѣ Федоровичѣ, въ числѣ 8 или 10 тысячъ. Относительно устройства и управленія ихъ неосталось никакихъ свѣденій. Многіе изъ нихъ занимались ловлею звѣрей и стрѣлянiемъ дичины, — и эта охота была главною причиною ихъ расселенія на слободы, отъ которыхъ и самыя переселенцы получили названіе Слобожанъ. Такъ явилась и слобода Харьковъ, получившая свое названіе

отъ охотника Харька, какъ говорить пре-
даніе. Окруженные со всѣхъ сторонъ
Татарами, Украинскіе переселенцы дол-
жны были быть во всегдашней готовно-
сти защищаться отъ ихъ нападений. Ну-
жда заставила ихъ учредить изъ себя
стражу; и въ соединеніи со стрѣльцами,
жившими въ крѣпостяхъ Русскихъ они
отбивали таборы Татарскихъ набздни-
ковъ. И часты и не маловажны были
эти стычки; но особенное вниманіе за-
служиваетъ одна изъ нихъ, первая, заста-
вившая Татаръ надолго отказаться отъ
прежнихъ старинныхъ стойбищъ своихъ,
и снискавшая переселенцамъ покрови-
тельство Царя Михаила. Главнымъ дѣй-
ствующимъ лицомъ былъ въ семь случаевъ
Кондратій Сулима. Онъ въ 1640 году
сдѣлалъ нападеніе на Татаръ у р. Межи,
и полонивши одного изъ Хановъ Татар-
скихъ Аксака, разбилъ и прогналъ Та-
таръ въ степь на р. Донъ.

Въ 1650-1651 году совершилось вто-
рое переселеніе Украинцевъ. Они заня-

ли слободами земли отъ вершины р. Су-
лы по р. Вырѣ, Крыгѣ, Локнѣ, Пслу,
Ворсклѣ, Мерлѣ, Удахѣ, Лопани, Харь-
кову, Межѣ, Коломаку, Донцу, Осколу
и пр.

Въ послѣдующіе годы число ихъ у-
величилось, и въ 1660 году они образо-
вали изъ себя три полка, названные Чер-
касскими Слободскими. Сіи полки были:
Сумскою, Ахтырскою и Харьковскою. Об-
ласть Сумскаго полка занимала земли,
принадлежащія нынѣ Сумскому и Лебе-
динскому уѣздамъ Слободско-Украинскою
Губерніи, кромѣ того часть Роменскаго
уѣзда Полтавскою и Суджанскаго Кур-
скою Губерніи. Рѣка Пселъ была грани-
цей его отъ области Ахтырскаго полка,
простиравшейся до р. Межи. За сею рѣ-
кою начинался полкъ Харьковскою, зани-
мавшій Харьковскою, Валковскою, Зміев-
скою, и Изюмскою уѣзды Харьковскою Гу-
берніи. Они поступили въ вѣдомство Бѣ-
логородскаго разряда и платили Госу-
дарю по Бѣлогородскому окладу оброкъ

съ винокуренія, винопродажи и съ другихъ хозяйственныхъ заведеній.

Въ каждомъ полку жители были раздѣлены на три разряда:

1. Семейства военнослужилыхъ Козаковъ и ихъ свойственниковъ. Изъ нихъ способные выбирались въ реестровые Козаки.

2. Семейства Козаковъ Компанейцевъ, кои должны были помогать служимымъ во всѣхъ надобностяхъ конной службы и во время похода доставлять имъ провіантъ.

3. Семейства неопредѣленныхъ въ службу. Они остались жить на земляхъ принадлежащихъ Полковникамъ и полковымъ Старшинамъ въ селахъ, деревняхъ и хуторахъ.

Судъ и Старшину полковую составляли во всякомъ полку, кромѣ Полковника: Обозный, Судья, Асауль, Хорунжий, Писарь и Перначникъ.

Каждый полкъ раздѣлялся на Сотни. Сначала во всякомъ полку было 5 сотень.

Кромѣ городовъ, мѣстечекъ и слободъ, Слободскіе полки имѣли свои крѣпости. Полковые города были всѣ укрѣплены.

11.

Мятежъ Тухи. 1654.

Поликарпъ Туха былъ Запорожскій Атаманъ, неизвѣстно какой Сѣчи. Онъ пользовался дружбой Хмельницкаго, всегда былъ первый противъ мятежниковъ, возстававшихъ на него, и столько же уменъ, сколько храбръ и грубъ. Онъ былъ увѣренъ, что Хмельницкій ищетъ независимости Украины а себѣ верховной власти, что Хмельницкій обманываетъ и Султана, и Хана, и Короля, и Царя, обѣщая быть каждому вѣрнымъ и покорнымъ, и радовался этому, называлъ Хмельницкаго — какъ говорить Симоновскій — преемникомъ Св. Владиміра, Великимъ Кня-

земь Украинской Россіи. Съ 1649 года Туха былъ неотлучно при Тимоѳѣѣ Хмельниченкѣ, и во время осады Сутчавской сильно раненъ. Но то была — говорить Симоновскій — рана тѣлесная, рана же сердечная ждала его въ Украинѣ. Когда вѣсть о присягѣ Царю дошла до него, когда получилъ онъ приказъ присягать, Туха вознегодовалъ. — Умру, а останусь Козакомъ! — говорилъ онъ, — и поднялъ мятежь. Подъ его знаменемъ скоро стало до 7000. Войско Хмельницкаго встрѣтило его на р. Тясмени. Войны Туха почти всѣ пали на мѣстѣ битвы. Самъ Туха бросился въ рѣку и утонулъ. —

12.

Договорныя статьи между Царемъ и Козаками 1654.

Одинъ списокъ (со списка) этихъ статей напечатанъ въ Собр. Госуд. Грам.

(136)

III. 507-510; другой (съ подлинника) въ Ист. Мал. Рос. I. пр. 323. Вотъ содержаніе оныхъ :

1. (2-й спис.) Вначалѣ изволь Твое Царское Величество подтврдити права и вольности наши войсковыя, какъ изъ вѣковъ было въ войскѣ Запорожскомъ. Чтобъ ни Воевода, ни Бояришъ, ни Стольникъ въ суды войсковыя не вступался; и гдѣ три Козака, два третьяго судять. — Быть почелобитью.

2. (2-й спис.) 60,000 войска чтобъ всегда полно было. — Быть по челобитью, а реестръ Царю за подписью Гетмана доставить.

3. Шляхтѣ, присягнувшей Царю, при своихъ вольностяхъ быть, и межъ себя старшихъ на уряды судовыя обирать. Суды земскіе и градскіе чрезъ тѣхъ урядниковъ, которыхъ они сами себѣ изберутъ, исправлены быти имѣють, какъ и прежде сего; такожъ Шляхта, кои казну имѣли по крѣпостямъ на маестностяхъ тогда и нынѣ, либо чтобъ имъ заплачено

или на маестностяхъ довлѣдѣти дано. —
Быть по челобитью.

4. (2-й спис. а по 1-му первая). Чтобѣ
въ городѣхъ Урядники изъ нашихъ лю-
дей были бы обираемы на то достойные,
кои должны будутъ подданными Царя
исправляти или уряжати и приходъ нале-
жащій вправду въ казну Царя отдавати. —
Быть по челобитью; а быти Урядникамъ,
Войтамъ, Бурмистрамъ, Райцамъ, Лавни-
камъ, и доходы денежныя, хлѣбныя и
всякіе на Царя собирать имъ и отдавати
тѣмъ кого Царь пришлетъ, а сіи надъ
сборщиками будутъ дѣлать правду.

5. (2-й спис.) На булаву Гетманскую
Староство Чигринское. — Быть по чело-
битью.

6. (2-й спис.) Сохрани Боже смерти
Пана Гетмана, чтобѣ войско Запорож-
ское само межъ себѣ Гетмана избирали,
и Царя извѣщали. — Быть по челобитью.

7. (2-й спис.) Чтобѣ имѣній Козац-
кихъ никто не отнималъ, ни земель, ни
вожитковъ съ тѣхъ земель; вдовы послѣ

Козаковъ осталья и дѣти такія же вольности имѣли бы. — Быть по челобитью.

8. (2-й спис.) Писарю Войсковому 1000 злотыхъ для подписковъ (по 1-му для подписокъ) и мельницу. — Быть по челобитью.

9. (2-й спис.) Всякому Полковнику по мельницѣ, Быть по челобитью.

10. (2-й спис.) Судьямъ Войсковымъ по 300 злотыхъ и по мельницѣ, Писарю Судейскому 100 злотыхъ. — Быть по челобитью.

11. (2-й спис.) Асауламъ Войсковымъ и Полковымъ по мельницѣ. — По челобитью.

— Сія статьи: 8, 9, 10, 11, въ 1-мъ спискѣ помѣщены въ статьяхъ 2 и 3 списка 1-го; изъ нихъ во 2-й находимъ жалованье Писарю и Хорунжему полковому 50 злотыхъ, Хорунжему Сотскому 30 злотыхъ и Бунчужному Гетманскому 50 злотыхъ. —

12. (2-й спис. по 1-му четвертая) На подѣлку снаряду войсковаго и на пушка-

рей и на всѣхъ людей работныхъ у сна-
ряду просимъ Царскою милостиваго при-
зрѣнія, яко о зимѣ тако и о станахъ; и на
Обознаго арматнаго 400 злотыхъ, а Хо-
рунжему арматному 50 злотыхъ. — По
челобитью.

13. (2-й спис.) Права данныя Князь-
ями и Королями духовнымъ и мирскимъ
людямъ чтобъ ни въ чемъ нарушены не
были. — По челобитью; а Митрополиту
Кіевскому бытъ подѣ благословеніемъ
Патріарха Московскаго, хотя въ права
Духовныя вступать онъ не будетъ.

14. (2-й списокъ, по 1-му 5-я) По-
словъ добрыхъ принимать, а что бы имѣ-
ло противу Царя, то Царя извѣщать. —
Приговорили такихъ задерживать, и безъ
указу не отпускать. Съ Турскимъ Сул-
таномъ и Польскимъ Королемъ безъ Го-
сударева Указу несылаться.

15. (2-й спис.) Какъ во иныхъ зем-
ляхъ дань вдругъ отдается зволили бы
есма и мы, чтобъ цѣною вѣдомо давать

отъ тѣхъ людей, которые Царю нале-
жать. — Быть какъ сказано въ ст. 4.

16. Быть Урядникамъ войска права
и вольности смотрѣть имъ.

17. (2-й спис.) Что-бъ на вѣчныя
времена Царь намъ на хартияхъ писанныя
привилеи съ печатями вислыми даль; а
когда то одержимъ, мы сами межъ себя
смотръ имѣти будемъ, и кто Козакъ тотъ
будеть вольность Козацкую имѣть, а кто
нашенный крестьянинъ, тотъ будетъ дол-
жность обыкшую Царю отдавать, какъ и
прежде сего; также и на люди всякіе,
которые Царю подданные, на какихъ пра-
вахъ и вольностяхъ, имѣють быть. —
Быть по челобитью.

18. (2-й спис. въ 1-мъ 6-я) Митро-
политу и всѣмъ духовнаго чина людямъ
на маестности ихъ, которыми нынѣ вла-
дѣють, дать жалованную Грамоту.

19. (2-й спис. по 1-му 7-я.) Чтобъ
Царь изволилъ рать свою вскорѣ къ
Смоленску послать. — Указалъ Царь и

Воляре приговорили войска повести не просухъ.

20. (2-й спис. по 1-му 8-я). — Царскаго Величества ратные люди всегда на рубежъ для Украины обереганья есть и впредь стоять учнуть.

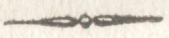
21. (2-й спис. по 1-му 9-я.) Обычай тотъ, что всегда войску платили, просить и нынѣ Царя на Полковника по 100 ефимковъ, на Асауловъ полковыхъ по 200 золотыхъ, на Асауловъ Войсковыхъ по 400 золотыхъ, на Сотниковъ по 100 золотыхъ, на Козаковъ по 30 золотыхъ. — Гетманъ Бутурлину говорилъ, что войско жалованья у Царя просить не будетъ; говорилъ при Судьѣ и при Полковникѣ, и имъ нынѣ о томъ говорить не доведется. Жалованье назначится по смѣтѣ доходовъ.

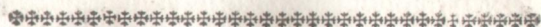
22. (2-й спис. по 1-му 10.) — На Донъ къ Козакамъ Государево повелѣніе послано будетъ буде Крымскіе люди задору никакого не учинять, и на нихъ не ходить; а буде задоръ учинять, и въ то

время Государь укажетъ надъ ними про-
мысль чинить.

24. (2-й спис. по 1-му 11-я). Кодакъ
городъ чтобъ Царь изволилъ какъ кор-
мами такъ и порохомъ къ наряду по-
строить; также и на тѣхъ кои за по-
рогами Коша берегутъ милость бы пока-
заль. — Указъ будетъ.

Юля 1 дня 1654 года Царь Алексѣй
Михайловичъ велѣлъ титулъ свой писать:
Всея Великія и Малыя Россіи Самодер-
жець.

ПѢСНИ, ДУМЫ И ПРЕДАНІЯ,
поясняющія сказанія Лѣтописцевъ.

1.

Переписка Барабаша съ Ляхами.

Поляки — говорятъ Лѣтописцы —
искали разрушить самобытность войска
Запорожскаго, “поруйновать Козаковъ до
изводу“, и нашли себѣ въ этомъ дѣлѣ
помощника въ Барабашѣ, который — по
словамъ Вуйковича — за деньги радѣ
былъ продать все, кромѣ своей алчно-
сти къ стяжанію, заставлявшей его не-
дорожить ни совѣстью, ни честью, ни
клятвой. За деньги Барабашъ продалъ
себя Ляхамъ, и хотя по требованію Ра-
ды послалъ къ Владиславу жалобу на
угнѣтенія, претерпѣваемыя народомъ въ

Украинѣ, и, пусть и поздно, показалъ Радѣ отвѣтъ Владислава: — „Подѣважъ вы войны есте и маєте у себе мушкеты и шабли, то что вамъ стать за себе и за свои вольности возвращаетъ, а я помогать вамъ не въ силахъ, будучи обурѣваемъ патриціанствомъ ихъ факціями“; — но то была только личина. Въ тайнѣ Барабашъ велѣ съ Поляками переписку иного роду, и писалъ къ нимъ однажды:

— Придите, и мстите; а на меня будьте надежны. —

Эта переписка, будучи обнаружена, могла обнаружить и замыслъ Поляковъ поруйновать Козаковъ до изводу; она была Хмельницкому лучшею помощью для возбужденія Козаковъ къ возстанію. Какъ Писарь Войсковой, Хмельницкій могъ если не знать эту переписку вполнѣ, то угадывать ея содержаніе, и, воспользовавшись случаемъ, овладѣлъ ею.

— Для новорожденнаго младенца въ его фамиліи — говоритъ Конисскій — надо было имѣть при крещеніи воспріем-

ника. По сему упрошенъ Хмельницкимъ Барабашъ. И онъ со всей свитою отправился изъ Чигрина въ Суботово; а тамъ, по совершеніи пиршества, на коемъ уподчиванъ Барабашъ и штатъ его, Хмельницкій, снявши съ соннаго его съ руки перстень, съ перначемъ и шапкой съ кокардой изображенными, достоинство Барабаша означающими, отправился съ ними ночью къ женѣ Барабаша, показалъ ей знаки мужніе и требовалъ его именемъ нужныхъ писемъ изъ кабинета. Жена отворила кабинетъ, и пр.

Иначе рассказываетъ объ этомъ Дума (Зап. Ст. II. 1. 9-11).

Дума.

— Прошелъ день години, какъ встала тревога по Украинской землѣ. И никто не хотеть выдти на защиту вѣры Христіанской; только и вышли Барабашъ да Хмельницкій да Климъ Бѣлоцерковскій. Они выступили къ Королю, и просили

универсаловъ. Король написалъ универсалы, и далъ Барабашу въ руки. А Барабашъ только ихъ взялъ, три года Козакамъ о нихъ знать не давалъ.

И задумалъ Хмельницкій просить его кумомъ въ городъ Чигринъ; попросилъ, славно угостилъ. И какъ сталъ Барабашъ пить да гулять, сталъ ему Хмельницкій такъ говорить:

— Полно тебѣ, Панъ кумъ, Королевскія письма скрывать. Дай ихъ мнѣ хоть почитать.

— Къ чему-бы тебѣ, Панъ кумъ, эти письма знать? Дачи мы не даемъ, въ Польское войско не йдемъ. Не лучше-ли мирно съ Ляхами намъ жить, чѣмъ лугами блудить, комарей своимъ тѣломъ кормить? —

Понялъ Хмельницкій, и сталъ Барабашу еще лучшихъ напитковъ подносить. Пилъ Барабашъ, и упился, и спать на постель завалился.

А Хмельницкій ключи у него отобралъ, Чуру въ Черкасы послалъ, велѣлъ

ключи Паньи Барабашевой подать, Королевскихъ писемъ просить.

Пріѣхалъ къ ней Чура, и такъ говоритъ: — Панья Барабашова! Сталь у насъ Пань твой гулять, велѣлъ тебѣ письма Короля намъ отдать.

— Что за бѣда съ моимъ Паномъ случилась, что задумалъ съ Хмельницкимъ гулять? Иди, иди, бери письма Короля въ ларцѣ подъ воротами въ глухомъ концѣ.

Скоро Чура письма досталъ, днемъ и ночью въ Чигринѣ поспѣшалъ, скоро пріѣзжалъ, самому Хмельницкому письма отдалъ.

А Барабашъ рано проснулся, поглядѣлъ въ карманъ, — ключей нѣтъ какъ нѣтъ. Старосту Кричевскаго будить, на двухъ коняхъ съ двора ѣдетъ; думаетъ, гадаетъ, какъ-бы Хмельницкаго въ руки прибрать, Ляхамъ отдать. —

Сравнивая сказаніе Конисскаго съ этою Думой, находимъ вотъ что:

1. Вѣроятнѣе, что Хмельницкій пировалъ въ Чигринѣ, какъ говоритъ Дума, а не въ Суботовѣ, которымъ, владѣлъ тогда Чаплицкій.

2. Ни изъ Лѣтописей, ни изъ преданій не видно, что-бы Козаки носили перстни, тѣмъ менѣе такіе, кои означаютъ достоинство; еще менѣе видно, что-бы перстень могъ быть такой важности, какую приписываетъ ему Конисскій. Гораздо вѣроятнѣе, что Хмельницкій укралъ у Барабаша ключи, какъ говоритъ Дума.

3. Былъ-ли у Барабаша кабинетъ? Что-то странно для 1640-выхъ годовъ. Но пусть и такъ: могъ-ли Барабашъ прятать такъ оплошно столь важныя бумаги? Хмельницкій рѣшившись однажды завладѣть бумагами, и зная что онѣ лежали въ кабинетъ, какъ говоритъ Конисскій, могъ употребить для этого сотню другихъ средствъ легче, удобнѣе, безопаснѣе, вѣжливѣе. Барабашъ могъ опасаться, что эти бумаги будутъ украдены, и долженъ былъ спрятать ихъ по лучше: очень не-

мудрено, что ему взошло въ голову спря-
тать ихъ подъ воротами: подобнымъ об-
разомъ Запорожцы всегда скрывали дра-
гоцѣнности. См. Зап. Стар. I. 2. 82-83.

Климъ Бѣлоцерковскій, о которомъ
говорить Дума, есть вѣроятно, Полков-
никъ Гира. Староста Кричевскій — не
тотъ-ли самый, который былъ посылаемъ
Хмельницкимъ въ Литву и разбить Рад-
зивиломъ не за долго до Зборской годи-
ны? Шевалье говорить, что этотъ Кри-
чевскій освободилъ однажды Хмельника-
го изъ плѣна. Н. Г. С. 82. — Пасторій.
Bellum Scyth. Cos. 85. —

2.

Битва на Желтыхъ водахъ.

Пь с н я.

— Или то хмѣль вокругъ тычишь
вьется? Нѣтъ, то Хмельницкій съ Поляка-
ми бьется.

(150)

Ой, поѣхалъ Хмельницкій къ Желтому броду. Не одинъ Ляхъ тамъ прилегъ головою въ воду.

— Не опейся, Хмельницкій, этой Желтой воды: сорокъ тысячъ Ляховъ знатнаго рода идетъ на тебя.

— Не боюсь я Ляховъ, и думать забьлъ. На нихъ есть у меня большая отвага.

Еще-же и Орду за собой я веду; и все, враги Ляхи, на вашу бѣду. —

Убѣжали Ляхи, растеряли шубы. Не одинъ Ляхъ прилегъ, оскаливши зубы.

Становили Ляхи дубовыя хаты. Придется бѣдняжкамъ въ Польшу бѣжать.

И бѣжали изъ нихъ кой-какіе полки. Ёли Ляховъ и псы и сѣрые волки.

Ой, тамъ поле, поле, а по полю цвѣты: не за однимъ Полякомъ зарыдали дѣти.

Ой тамъ рѣчка, рѣчка, черезъ рѣчку плотина. Не одинъ Ляхъ покинулъ по себѣ вдовицу. —

— Зап. Ст. П. 1. 12-14. —

Едва ли эта пѣсня современна событію.

3.

Пилявское дѣло.

П л с н и.

I.

— Ой, изъ города, изъ Пилявы Козаки выѣзжали; всѣхъ было три табора, всѣ одинъ въ одного.

Что въ первомъ таборѣ, то все рестровые, а въ другомъ таборѣ одни Хорунжіи, а въ третьемъ таборѣ одни Куряные.

Идетъ первый таборъ къ Пилявѣ; съ нимъ идетъ Морозенко. Съ другимъ таборомъ идетъ пышный Панъ Харченко. Третій таборъ ведетъ Вовгуря Лисенко.

Третій таборъ ведетъ Вовгуря Лисенко; коня поварачиваетъ, забавляетъ себя; коня поварачиваетъ, молвить такіа слова:

— Ой, Папы молодцы! будетъ намъ работа: въ городѣ Пилявѣ много охотныхъ ватавъ. —

Вотъ идутъ они день, ночь; въ девѣ Воскресный станомъ стали, по Яцкому рогу станомъ стали, гонца поджидали.

Въ ночь гонецъ прѣзжаетъ, Лисенка спрашиваетъ, и кланяется ему, и молвить такія слова:

— Пань Гетманъ Хмельницкій посылаетъ тебѣ доброе здоровье. Подъ Пилявой съ Морозенкомъ оны ужъ станомъ стали.

И тебя съ Кравчиною просить къ Пилявѣ. — Тогда-то Вовгуря Лисенко кожухъ надѣваетъ, изъ станка выходитъ, Козаковъ созываетъ:

— Ой, Папы молодцы! Чините мою волю: рубите мнѣ дорожку къ Пилявскому полю.

Рубите мнѣ дорожку къ Пилявскому полю: тамъ ожидаетъ насъ Гетманъ Богданъ! —

И тѣ Козаки дорожку рубили, къ городу Пилявѣ станомъ выходили.

Что отъ Роски да отъ Соби Гайчуревскіи грайцы, а отъ вольнаго Тешлика вольные Коротайцы.

А отъ Лысой горы Степняки Гайчурь; а отъ рѣчки отъ Самари Самарскіе лугари.

И всѣ тѣ молодцы по той сторонѣ Буга. . .

II.

Ой, Семуха Бродникъ входитъ въ Немировъ, и въ Немировъ собираетъ своихъ молодцовъ.

И Немировскіе молодцы въ трубы трубятъ, на коняхъ вороныхъ съ крикомъ бѣгутъ.

Въ ночь прѣзжаетъ гонецъ, молвить такія слова: — ой, вы молодцы Немировцы. Ляхи ужъ на этой сторонѣ.

На этой сторонѣ Случи, на этой сторонѣ Случи, подступаютъ къ Пилявѣ, зовутъ Козаковъ.

На этой сторонѣ Случи, на этой сторонѣ Случи, подступаютъ къ Пилявѣ, зовутъ Немировцевъ.

Немировцы молодцы! Идите, спѣшите, Гетмана Хмельницкаго повеселите.

И тогда тѣ молодцы къ Случи спѣшили, къ городу Пилявѣ скоро приходили. —

— Зап. Ст. II. 1. 20-25.

Цѣлья-ли это пѣсни, или отрывки, какъ-бы то ни было, важность ихъ неоспорима: во всякомъ случаѣ это отрывки изъ Лѣтописи народной памяти.

Разсматривая ихъ въ семь отношеній, должно обратить вниманіе на время, лица и событія о которыхъ идетъ въ нихъ рѣчь.

А. Время.

Оно очевидно. То 1648 годъ, та страшная година для Поляковъ, когда они, гонимые Козаками изъ Украины, принуждены были бѣжать за Вислу; та страшная година для Украинцевъ, когда

Вишневицы, сподвижники Князя Геремія Вишнѣвѣцкаго, бились съ ватагами Хмельницкаго, когда наконецъ Хмельницкій, не принявъ въ условій мира, предложенныхъ Адамомъ Киселемъ, выступилъ къ Пиллявѣ, гдѣ ожидали его Ляхи съ Княземъ Владиславомъ Острожскимъ.

Б. Лица.

За исключеніемъ Хмельницкаго: Морозенко, Харченко, Вовгуря Лисенко и Семуха Бродникъ.

1. *Морозенко.* Вотъ лице чрезвычайно любопытное, столько же по недоумкамъ о немъ нашихъ Лѣтописцевъ, сколько и по любви къ нему народной, — лице вполне народное. Современникъ Хмельницкаго и Пушкаря, современникъ сотни другихъ славныхъ героевъ Козацкихъ, онъ затмилъ собою въ памяти народной всѣхъ ихъ; и въ наше время, когда народъ забываетъ самаго Хмельницкаго, употребляетъ имя Мазепы какъ имя нарицательное, смѣшиваетъ Палія

со Старостою Каневскимъ, Морозенко остается на своемъ мѣстѣ, самимъ собою и Рыцаремъ Запорожскимъ, и сказочнымъ чудакомъ.

Здѣсь я расскажу о немъ только то, что относится ко времени Хмельницкаго. Источники моего сказа, кромѣ Лѣтописей, пѣсни, сказки и статья О. С. Евецкаго.

Молодость Морозенка, какъ молодость всѣхъ рыцарей Козацкихъ неизвѣстна. Изъ его прозванія можно заключить только то, что онъ былъ сынъ какого-то Мороза.

Первые подвиги его были битвы съ Татарами. Вотъ что говорятъ объ этомъ

Пѣ с н и.

I.

— Изъ за горы, изъ за кручи возы ѣдутъ, скрипятъ. Передъ ними Морозенко трубку курить, идетъ.

— Перестань-же, Морозенко, свою трубку курить. Иди съ нами, Козаками, горьлочку пить.

— „Нѣтъ милые братья, вино мнѣ не пьется: надъ моею Украиной пребольшая орда вьется“. —

Изъ этой пѣсни видимъ, что Морозенко былъ Атаманъ Коша: онъ имѣлъ свою Украину.

II.

— Вокругъ города Бендеръ накопаны шанцы. И поймали Морозенка не вечеромъ, утромъ.

Взяли его Морозенка подъ гордые боки; посадили Морозенка въ темницѣ глубокой.

Посадили Морозенка на столъ тѣсовомъ; отобрали у него изъ за пояса червонцы.

— Ой, Морозъ, Морозенко, славный Козакъ! По тебѣ, по Морозенкѣ плачетъ вся Украина.

— Не такъ та Украина, какъ славное войско! — Заплакала Морозиха (мать его) идучи на рынокъ.

И встрѣтила Морозиха трехъ Козаковъ изъ полку: — Старая, ты глупая!

— Не плачь, не плачь, Морозиха! Еще твой сынъ не грустилъ. Иди съ нами Козаками, выпей меду, вина.

— Ой, что-то не пьется мнѣ, парни, медъ, вино. Гдѣ-то сынъ мой, Морозенко, мучится въ неволѣ.

— Такъ продавай, матушка, коровъ да воловъ; выкунай своего сына изъ тяжкихъ оковъ!

— Такъ продавай, матушка, быковъ да телицъ; выкунай своего сына изъ сырой темницы. —

Продавала Морозиха коровъ и воловъ; выкупала Морозенка изъ тяжкихъ оковъ.

Продавала Морозиха быковъ и телицъ; выкупала Морозенка изъ сырой темницы. — Зап. Стар. II. 1. 14-18.

И когда воротился Морозенко въ свою Украину — говорить преданіе — онъ пошелъ по всѣмъ куренямъ своимъ, ко всѣмъ ватагамъ, сталъ Панамъ молодцамъ молвить такія рѣчи: — Вы-де, молодцы, медъ пиво пьете, а братьевъ своихъ въ неволѣ забыли. Тамъ въ Бендерахъ въ глубокихъ ямахъ, безъ свѣта и воды, безъ хлѣба и вина мучатся они, залитые въ оковы. Лучше прежде въ Бендеры пойдемъ, городъ Бендеры огнемъ займемъ, братьевъ домой приведемъ, и тогда уже дружнымъ кружкомъ медъ, вино разопьемъ. — Спыхватились Паны молодцы, коней сѣдлали, къ городу Бендерамъ путь держали. Со всѣхъ сторонъ, съ Днѣпра, со степей, городъ Бендеры зажгли, въ городъ вошли, стали Агарявъ бить и рубить, стали ихъ допрашивать: гдѣ ихъ товарищи въ неволѣ мучатся? Подвели ихъ къ самому берегу Днѣстра, отвалили колоду, ввели въ яму, — въ ямѣ Козаки кружкомъ сидятъ, спятъ — не спятъ, глядятъ — не глядятъ, и на

голосъ дружняго привѣта нѣтъ отвѣта. Вышли Паны молодцы, и только вышли, стали Турокъ бить и рубить, старыхъ малыхъ губить, за братьевъ мстить. —

Когда это было? мы напрасно будемъ допрашивать память народную. —

Далѣе, когда въ 1648 году Вишневецкій казнями Православныхъ возбудилъ злобу Козаковъ, когда толпы ихъ разсѣялись отъ Днѣпра до Вислы, сражая повсюду Поляковъ, Уніатовъ и Жидовъ, Морозенко вмѣстѣ съ Остапомъ Павлюкомъ бродилъ по Подолу, и для забавы рѣзалъ уши Жидамъ и Уніатамъ. — Обѣщай мнѣ по золотому за тридцать ушей, — говорилъ онъ Хмельницкому; — и, получивъ обѣщаніе, чрезъ мѣсяць получилъ отъ него болѣе 1000 злотыхъ. Павлюкъ не довольствовался ушами, — онъ наряжалъ шеи Жидовокъ и Полячекъ „червоными стричками“ т. е. срѣзывалъ у нихъ на шеѣ кожу: и Княгиня Четвертинская была его жертвой.

III.

Ляхи говорятъ, Турки говорятъ: Украина плачетъ; а Украина не плачетъ, съ Морозенкомъ скачетъ.

Скачетъ Украина, веселится Рада. Морозенко сразилъ Ляховъ и Турокъ: то ихъ услада.

Какъ-же прїѣхалъ Морозенко въ свою Украину: — будутъ знать (молвить онъ) и малыя дѣти, какъ ее покину.

Будутъ знать и малыя дѣти, будутъ и дѣвицы, — ой, дѣвицы бѣдняжечки, какова за нихъ месть.

Такова за нихъ месть, каково мое войско. Узнали и Турки и Ляхи, какъ бѣжатъ въ тихомолку.

Скрышка со свадьбы, а струны изъ руты: какъ заиграетъ Морозенко, слышно на весь свѣтъ.

Какъ заиграетъ Морозенко, запоютъ Ляхи: они знаютъ Морозенка и по Жванцу. —

Эта пѣсня намѣкаетъ, что при взятіи Морозенкомъ Бендеръ, тамъ были и Поляки! — Зап. Стар. II. 1. 18-20.

Послѣдній куплетъ напоминаетъ о сраженіи Жванецкомъ, 1653.

Въ другой пѣснѣ воспѣвается походъ Морозенка подъ Сороку: этой пѣсни я не могъ достать.

II. *Харченко* — въ первый разъ встрѣчается около Кіева съ своей дружиной бьющаго Вишневецъ. Пѣсня называетъ его Гайчурой и пышнымъ Паномъ, и заставляетъ его вести таборъ Хорунжихъ. Лице, можетъ быть, замѣчательное, но мало извѣстное, — вѣроятно Атаманъ гайдомакъ.

III. *Вовгура Лисенко* — памятенъ и до селѣ народу своимъ варварствомъ. Преданіе говоритъ, что вся Польша страшилась его списа и ножа, и сколько Польша столько же и Украина. Изъ пѣсни видно, что его силы были велики: Козаки съ р. Роси и Соби, Козаки Съчи Тешлицкой, Козаки съ Лысой горы,

Козаки съ р. Самари, — всѣ они принадлежали къ его дружинамъ. Лисенко имѣлъ свой станокъ, слѣдовательно былъ Кошевымъ Атаманомъ, — и вѣроятно въ Сѣчи Тешльцкой.

IV. *Сѣмуха Бродникъ*. Лѣтописи о немъ молчатъ. Изъ пѣсни видно, что онъ взялъ Немировъ, принадлежавшій Вишневецкому.

В. Событія.

Повторимъ вкратцѣ, что уже сказано въ Лѣтописи соображаясь со сказаніями пѣсень.

Войско Польское выступило къ Пилявѣ, — и Хмельницкій, пославъ просить помощи у Хана, двинулъ свои рати туда-же. Съ нимъ былъ Морозенко и Харченко. Неподалеку отъ Пилявы Козаки соединились съ Татарами. Хмельницкій, узнавъ огромность войска Польскаго, и боясь проиграть сраженіе, послалъ гонца къ Кошевому Атаману Ли-

сенку и къ Сѣмухѣ Броднику, чтобы они спѣшили съ своими вольными ратниками къ нему на помощь. Лисенко и Сѣмуха быстро соединили свои дружины съ дружинами Хмельницкаго, — и Поляки принуждены были отступить.

4.

Битва Слуцкая.

Поляки отступили отъ Пилявы за Случь къ Константинову. Одинъ Вишневецкій помедлилъ отступленіемъ, между тѣмъ какъ его дружины руйновали Украину на Горыни, и часть ихъ уже спѣшила къ нему на помощь. Вишневецкій сразился съ Максимомъ Кривоносомъ, убилъ его, но былъ разбитъ Морозенкомъ, и бѣжалъ. Въ этой битвѣ палъ храбрый но осторожный рыцарь Козацкій Иванъ Бѣда. Вотъ что говоритъ объ этомъ

П ъ с н я .

— Долго-ль вамъ, Паны, подъ Пилявою стоять? Не пора-ль вамъ, молодцы, двинуть свой таборъ?

Пора тебѣ, Морозенко, свой таборъ двинуть; пора, пора къ Горыни къ Вишневецамъ спѣшить.

Тѣ Вишневцы славные молодцы славно грабятъ Украйну, добрымъ часомъ, счастливымъ часомъ разоряютъ Православную вѣру.

— Не спѣшите, молвить Бѣда. — Еще будетъ время погибнуть; будетъ время потѣшить Ляховъ, сложить головы въ полѣ.

— Не спѣшите, — молвить Бѣда. — Вишневцы вздумали идти на насъ. — Бѣжить гонецъ: — ой, молодцы! Вишневцы уже на этомъ берегу.

На этомъ берегу станомъ стали, зовутъ Козаковъ. Рано дошелъ до Случи Максимъ Рокитнянскій.

Тогда Ляхи какъ стояли такъ и пропали; только одни Козаки въ трубы трубили.

Въ трубы трубили, оплакивали Пана Бѣду, оплакивали Пана Бѣду, погребали его. — Зап. Ст. II, 1. 26-27.

Максимъ Рокитнянскій — вѣроятно Кривоносъ. Если такъ, то онъ на Случи прежде разбилъ Ляховъ, и потомъ самъ былъ разбитъ.

О Иванъ Бѣдѣ Лѣтописи молчатъ.

5.

Походъ въ Молдавію.

Дума.

— Съ низовій Днѣпра тихій вѣтеръ вѣетъ, повѣваетъ, войско Козацкое въ походъ выступаетъ, на коняхъ гарцуетъ, хоругви развѣваетъ. Только Богъ одинъ, только Богъ Святой знаетъ, что дума-

еть, гадаеть, что Хмельницкому на помощь помогаетъ.

То время было время чести, славы, Войсковой справки: Козаки тогда на смѣхъ себя не давали, враговъ ногами попирали.

Только Богъ Святой знаетъ, что Хмельницкій думаетъ, гадаеть. Не знали того ни Сотники, ни Полковники, ни Атаманы Куренные; только Богъ одинъ, только Богъ Святой зналъ, что думалъ гадалъ, что Хмельницкому на помощь помогалъ.

То наши Козаки къ Днѣпру доходили, черезъ три рѣки переходили. Самъ Хмельницкій рушилъ прежде всѣхъ, въ Хотинѣ присталъ, у старшаго Полковника на квартирѣ сталъ, къ Молдавскому Воеводѣ письма писалъ, молвилъ такъ ему:

— Какъ будешь со мною, Панъ Ясневельможный, дѣло вести, что будешь гадать? Или соединишь свое войско съ моимъ, въ одинъ станъ станешь? Или будешь со мною биться? Или будешь по

уставу мириться? Или головы свои на позорь отдашь? Или пригласишь насъ на пирь-перемирье, половину Молдавіи въ подарокъ намъ дашь?

И Воевода Молдавскій это прочиталъ, думалъ, гадалъ; къ Гетману Потоцкому письма посылалъ, молвилъ такія слова: —

— Гетманъ Потоцкій! Разумъ твой — разумъ жены. Чѣмъ гоняться тебѣ за пышными пирами, лучше было-бы Гетмана Хмельницкаго съ собою и со мною мирить! Началъ онъ Молдавскую землю Молдавскою кровью поливать. —

И Ляхи изъ Сочавы бѣжали, думали гадали, Василю Молдавскому вѣсть подавали. Тогда Василій Молдавскій въ Яссы прїѣзжаетъ, молвить такія слова:

— Ой вы, Яссы, Яссы, Яссы! Были когда-то вы очень ясны! Были когда-то вы очень красны! И не будете таковы, какъ придутъ Козаки! —

А Хмельницкій это разузналъ, въ Яссы прїѣхалъ, молвилъ такія слова:

— Ой вы, Яссы, Яссы, Яссы? Были когда-то вы очень ясны! Были когда-то вы очень красны! Да теперь не таковы, какъ узнали Козаки! —

Такое-то Панъ Хмельницкій дѣло надѣлалъ: Польшу возмутилъ, Молдавцевъ побѣдилъ, Гетманщину повеселилъ. —

Изъ этой думы узнаемъ:

1. Что Хмельницкій участвовалъ въ этомъ походѣ Молдавскомъ, что отрицаютъ Лѣтописи.

2. Что онъ прибылъ въ Хотинъ, когда онъ былъ уже занятъ Козаками, и сталъ у старшаго Полковника. Легко можетъ быть, что Козаки пошли въ Молдавію двумя дружинами: первая съ Носачемъ, Дорошенкомъ и Пушкаремъ, вторая съ Хмельницкимъ. Походъ этой второй дружины описываетъ Дума.

Пѣсня на взятіе Яссы поется отдельно.

П л с н л.

— Ой вы, Яссы, Яссы, Яссы! Были когда-то вы очень ясны; да теперь не таковы, какъ набѣжали Козаки.

Набѣжали Козаки; набѣжали Ляхи, убѣжали изъ Сотчавы четырьмя путями.

Набѣжали Козаки; набѣжали Волохи, убѣжали изъ Сотчавы на четыре года. —

— Зап. Ст. II. 1. 28-32.

На четыре года, т. е. до того времени, какъ по смерти Тимофея Хмельниченка, этотъ городъ вновь достался Молдавцамъ.

Возвращаясь изъ Молдавіи домой, Козаки ограбили Бендеры. Вотъ что говорить объ этомъ:

П л с н л.

— Ой, въ городѣ, въ городѣ Бендерахъ бьетъ ключемъ вода, бьетъ ключемъ вода съ кручи. Собирались всѣ Запорожцы, звали бусурмановъ:

— Ой, вы злые бусурманы! Не пригодно вамъ противъ Козаковъ стоять; а пригодно вамъ, бусурманы, Польшу покорять!

— Ой, вы злые бусурманы! Не пригодно вамъ съ Ляхами въ мирѣ быть, а пригодно вамъ, бусурманы, помянуть свою долю.

— Ой, вы злые бусурманы! Не пригодно вамъ съ Молдавцами мириться, а пригодно вамъ съ Казаками биться! —

Тогда-то на четыре поля Турки выходили, изъ ружей и пушекъ стрѣляли. Тогда-то Козаки молодцы на смерть Турокъ рубили.

И порубивши, взяли Бендеры, просили Гетмана Хмельницкаго: — Гетманъ Хмельницкій! Порадуй насъ! — такъ ему говорили они.

Тогда-то надъ Бендерами налетали орлы, сизые орлы, указывали Козакамъ добычу, указывали Козакамъ славу.

Тогда-то Ляхи изъ Бендеръ бѣжали, Турокъ и Молдаванъ однихъ оставляли,

указывали Козакамъ добычу, указывали Козакамъ славу.

Тогда-то Козаки Бендеры разорили, набрали славы, — и съ Гетманомъ Хмельницкимъ возвратились домой! —

— Зап. Зтар. II. 1. 33—35.

Изъ этой пѣсни видимъ:

1. Что Бендерскіе Турки и Татары, Бендерщина или Бендерская орда — какъ называютъ Лѣтописцы — были защитниками Василя Лупулы.

2. Что Козаки ограбили Бендеры въ отмщеніе за это.

3. Что Хмельницкій былъ и при взятіи Бендеръ.

4. Что Хмельницкій не всегда позволялъ Козакамъ грабить города, иначе бы и въ этомъ случаѣ Козаки не просили его порадовать ихъ.

Обо всемъ этомъ Лѣтописи молчатъ.

*Битва Жванецкая.**Пьсьи:*

I.

Ой, изъ города Немирова выходила гроза. Кравчина Запорожская къ Хотину ебъшила.

А въ Хотинѣ добрые люди знали себя, стали за одно съ Польскимъ Паномъ Юанномъ.

И не только стали за одно съ Поляками; стали съ ними за одно противъ Хмельницкаго.

Стали съ ними за одно, стали съ ними за одно; просили подъ Жванецъ Пана Болощина.

II.

— Будешъ, будешъ, Панъ Гетманъ, насъ почитать. Будешъ землю Молдавскую добромъ вспоминать.

Будешь, будешь, Пань Гетманъ
знать, какъ землю Молдавскую покорять.

Будешь, будешь, Пань Гетманъ,
знать во что считать, какъ Студешку
брать, сына защищать.

Будешь, будешь, Пань Гетманъ, о
томъ Бога молить, какъ подъ Студенцами
становиться станомъ!

Выходи, выходи, Пань Гетманъ, на
Жванское поле: твоя-ль будетъ Украина,
наше-ль будетъ Подолье?

Выходи, выходи, Пань Гетманъ, къ
Жванскому лѣсу: твоя-ль будетъ Украин-
на, наша-ль будетъ Святая?

Выходи, выходи, Пань Гетманъ, къ
Жванскому лугу: твоя-ль будетъ Украин-
на, наша-ль будетъ Яруга?

Посвисни, посвисни, Пань Гетманъ,
какъ свистить вѣтеръ: твоя-ль будетъ
Украина, наше-ли будетъ Хотинъ? —

Вышелъ Пань Хмельницкій съ крав-
чиной подъ Жванцы: — прощайся-жь,
Ляхъ, съ Молдавской землей!

Вышелъ Панъ Хмельницкій подъ Жванцы съ Ханомъ: — гадай-же, Ляхъ, кто изъ насъ будетъ Паномъ?

Вышелъ Панъ Хмельницкій по Жванскому полю: епекли Ляхи каравай своему Подолью.

Вошелъ Панъ Хмельницкій до Святого лѣса: — другъ мой, Нечай, позови-ка Пана Яна. —

Позвалъ Нечай Ляховъ, будто вѣтеръ. За Днѣстромъ, за горою блеститъ Хотинъ.

Тогда Ляхи узнали, гдѣ имъ станомъ етать, какъ мириться съ Гетманомъ Хмельницкимъ.

— Зап. Стар. II. 1. 35-40. —

Отрывки эти довольно непонятны. Они ведутъ ко многимъ заключеніямъ, но едва-ли всегда справедливымъ. Ограничусь важнѣйшимъ.

1. На сраженіи Жванецкомъ Исламъ былъ съ Бѣлогородскими и Нагайскими ордами. Часть ихъ, Хотинская, вѣроятно, измѣнила Хмельницкому, передалась на сторону Поляковъ: такъ я понимаю пер-

зую пѣсню. Но кто такой Болошинъ? —
Въ добрый часъ рѣшатъ другіе.

2. Съ Королемъ Польскимъ подъ
Жванцемъ были Молдавцы. Ихъ-то Бац-
дуристъ заставляетъ говорить Хмельниц-
кому рацею угрозъ. Изъ нее узнаемъ,
1) что Хмельницкій имѣлъ намѣреніе заво-
евать Молдавію (ср. И. М. Р. 1. 334.)
отмщая за смерть сына Тимоѳея; 2) что
до сраженія Жванецкаго занялъ Подолье,
Студеницу, Сороку (Святую, какъ назы-
вали Запорожцы), Яругу, и намѣренъ былъ
отъ Жванца идти къ Хотину, братъ его.

3. Хмельницкій разбилъ Ляховъ, и
Молдаване бѣжали въ Хотинъ: вотъ вѣ-
роятно къ чему относится выраженіе
пѣсни, что за Днѣстромъ, за горою бле-
ститъ Хотинъ. Сравни статью Пр. Шар-
муа въ Жур. Мин. Народ. Просв. 1834.
IV. 1—23.

Смерть Хмельницкаго.

Объ этомъ есть двѣ думы, два важные документа, выражающіе въ рѣзкихъ чертахъ характеръ Хмельницкаго по понятію народному. Первая изъ думъ поется за Днѣпромъ, вторая по сую сторону Днѣпра: это обстоятельство дѣлаетъ ихъ еще болѣе занимательными.

Думы.

1.

Ой, пошла тяжелая горе-бѣда по всей Украинѣ, какъ смутно стало въ городѣ Чигринѣ, что Пань Гетмань Богданъ Хмельницкій тяжело занемогъ. Собираль онъ къ себѣ всѣхъ старшинъ, Сотниковъ и Полковниковъ, и на Радѣ прощался со всѣми, Бога благодарилъ что оставляетъ Украину въ мирѣ, при-

ближаясь къ смерти; и такъ молвилъ:
— Ой вы, Паны молодцы! храбрые
Сотники и Полковники! Всѣ вы старши-
ны Козацкіе молодецкіе! Нужно Вамъ
Раду озвать, себѣ Гетмана избрать. Я
уже крѣпко боленъ, къ смерти прибли-
жаюсь, долженъ милосердному Богу от-
дать свою грѣшную душу. —

Тогда Войсковые Козацкіе старши-
ны, услышавши эти слова, приступили къ
Богдану, горько горевали, такъ говорили:

— Уже-ли хочешь, Богданъ, насъ по-
кинуть? Уже-ль хочешь оставить сиротою
Украйну, отдать ее на позоръ врагамъ
Ляхамъ? Уже-ли напрасна несчастная
Украина Бога молила, что-бъ Его могу-
щая воля отъ ига Ляшскаго освободила
ее, не давала ее на позоръ и поруганье
невѣрныхъ, надѣлила ее долей? Уже-ль
напрасно она Бога молила?

Услышавъ Богданъ эти слова, всей
старшинѣ Козацкой такъ говорилъ:

— И Богу вѣдомо, и люди знаютъ,
какъ правиль я Украйной, какъ освобож-

далъ, отъ ига Ляпскаго. Только Бога молилъ, что-бъ помогъ Онъ мнѣ. Теперь, Паны молодцы, я оставляю вамъ сына на вашу Раду, но не озываю Рады, не хочу своего голоса положить за него. Моего Юрія, пусть онъ и родной мой сынъ, не совѣтую избирать въ Гетманы: онъ и разумомъ слабъ, и здоровьемъ хилъ. Межь вами есть много Сотниковъ и Полковниковъ, храбрыхъ товарищей. Изберите межъ собою Гетмана, и по его суду и судите и рядите. Только прошу васъ, Паны молодцы, не возмущайте міра въ Украинѣ, управляйтесь разумомъ, стойте всѣ за одно. Тѣмъ и стала страшна сила Козаковъ, что у всѣхъ у васъ, Паны молодцы, была одна и дума и воля. А тебѣ, храбрый Пушкарь, Полковникъ, завѣщаю: кого-бъ Паны молодцы ни избрали себѣ Гетманомъ, всякому говори свою думу, храни міръ въ Украинѣ, чти славу Козацкую! —

И досказавши, эти рѣчи, Богданъ Хмельницкій молился Богу, кланялся Коза-

камъ Панамъ молодцамъ, — и успокоил-
ся на вѣки.

Ему-же Богдану и слава на вѣки
межъ Козаковъ простыхъ и старшинъ,
и межъ Царей и селянъ, и межъ Князей.
Аминь.

II.

Взгоревала съдая голова Хмельниц-
каго, что при немъ нѣтъ ни Сотниковъ
ни Полковниковъ: пришель часъ уми-
рать, нѣкому утѣшить его. И кликнулъ
онъ Ивана Выговскаго, Писаря Войсковаго.

— Иванъ Выговскій, Войсковою писарь!
скорѣ бѣжи, письма пиши, что-бъ Сот-
ники и Полковники пришли ко мнѣ, утѣ-
шить меня хоть не много.

То Иванъ Выговскій Войсковою Пи-
сарь письма писалъ, ко всѣмъ посылаъ.

И Сотники и Полковники ихъ про-
читали, все кидали, скоро-скоро къ Хмель-
ницкому прѣзжали. Ласково принялъ ихъ
Гетманъ, такъ имъ говорилъ:

— Паны молодцы! Думайте, гадайте, Гетмана избирайте; а я старъ, боленъ, не могу быть болѣе Гетманомъ! Хотите, выберите, Паны, Антона Волочая Кіевскаго, или Григорія Костыря Миргородскаго, или Филона Чичая Кропивьянскаго, или Мартына Пушкаря Полтавскаго. —

Услышали это Козаки, и горевали, и тяжко вздыхали, молвили такія слова: — Не нужно намъ ни Антона Волочая Кіевскаго, ни Григорія Костыря Миргородскаго, ни Филона Чичая Кропивьянскаго, ни Мартына Пушкаря Полтавскаго. Хотимъ сына твоего, юнаго Юрія, рейстроваго Козака.

— Унего, Паны молодцы, разумъ молодъ; онъ не знаетъ обычаевъ Козацкихъ.

— Будемъ при немъ старыхъ людей держать; будутъ они его учить; будемъ его чтить, вспоминая тебя Гетмана, отца, нашего! — Услышалъ это Хмельницкій, и обрадовался, кланялся своею сѣдою головой, слезы лилъ. Скоро послѣ еще больше заболѣлъ Хмельницкій; прощал-

ся со всѣми, и отдалъ свою душу милосердому Богу.

Не черная гроза заволакивала ясное солнце; не буйные вѣтры бушевали въ темномъ лугѣ. — Козаки Хмельницкаго погребали, по своему отцѣ рыдали. —

Здѣсь замѣтимъ:

1. Что послѣдняя Рада Хмельницкаго были 6 Августа, а умеръ онъ 15 Августа.

2. Что лѣтописи, приводя рѣчь Богдана, расписываютъ ее всякая по своему, и всѣ сходны съ думами во всемъ даже въ мелочахъ.

3. Что Антонъ Волочай, Григорій Костырь, Филонъ Чичай и Мартынъ Пушкарь, о которыхъ говоритъ вторая дума, были Полковники. Изъ нихъ Антонъ Волочай — Адамовичъ; Костырь — Десницкій; Чичай — Джеджелей.

Пугачь.

Нынѣ народъ поминаетъ славу Хмельницкаго такую пѣсню:

П ъ с н я.

Сталъ Филинъ на могилѣ, и крикнулъ: пугу! Не дасть-ли Богъ Козакамъ хоть теперь отваги.

День и ночь ждемъ, нѣтъ поживы. Давно была! Уже не дождемся Хмельницкаго.

Ой, когда-то мы воевали, и больше не будемъ. Былаго счастья, бывшой доли по вѣкъ не забудемъ.

Заржавѣли сабли наши, нѣтъ курковъ у ружей. Только сердце Козацкое не бьется Турокъ.

— Зап. Ст. II. 1. 46-47. —

О Г Л А В Л Е Н І Е.

Предисловіе	
ЛѢТОПИСЬ :	
— 1640-1654	1
— 1654-1657	93
ПРИПИСКИ КЪ ЛѢТОПИСИ :	
1. О состоянїи народа до 1648	106
2. Кравчина Запорожская	113
3. Раданъ, Харкѣвичъ и Вронскій	118
4. Статьи мира	120
5. Переговоры съ Султаномъ 1649.	121
6. Козаки въ Литвѣ. 1649	125
7. Граница Украины по Зборовско- му миру	127
8. Списокъ реестровыхъ Козаковъ, 1650	128
9. Переяславскій бунтъ. 1651	129
10. Слободскіе Полки	131
11. Мятежь Тухи, 1654	135

12. Договорныя статьи съ Царемъ;
1654 136

ПѢСНИ, ДУМЫ И ПРЕДАНИЯ,
поясняющія сказанія Лето-
писцевъ :

1. Переписка Барабаша съ Ляхами . 144
2. Битва на Желтыхъ водахъ . . 150
3. Пилявское дѣло 152
4. Битва Слуцкая 165
5. Походъ въ Молдавію . . . 167
6. Битва Жванецкая 174
7. Смерть Хмельницкаго . . . 178
8. Пугачъ 184

